

Прибайкальский
краеведческий
альманах

№6

www.edifus.ru

Управление культуры Прибайкальского района
Прибайкальская централизованная библиотечная система

Прибайкальский
краеведческий
альманах

№ 6

г. Москва – с. Турунтаево, 2018

Редакционный совет:

А.З. Козин (гл. редактор альманаха), Е.Д. Горбунова (редактор газеты «Прибайкалец»), И.В. Невмержицкая (начальник районного архива), Ю.В. Неронов (рыбовод-биолог), Л.М. Симонова (директор районной библиотеки), Н.М. Суворова (зав. районным музеем).

Прибайкальский краеведческий альманах. № 6, 2018 г.
г. Москва – с. Турунтаево. – Изд-во «Эдитус».

Издание осуществляется с 2007 г. Освещает вопросы истории, развития Прибайкальского района Бурятии, рассказывает о людях Прибайкалья, его природе и экологических проблемах.

Издание некоммерческое, осуществляется на общественных началах и на безгонорарной основе.
Телефон: 89149850597, эл. почта: a.kozin@list.ru

Участники проекта:

*Прибайкальское управление культуры,
Прибайкальская центральная межпоселенческая библиотека, Прибайкальский районный архив,
Управление образования Прибайкальского района.*

Литературные страницы Прибайкалья

Этот номер Альманаха мы решили посвятить литературному краеведению. Прибайкальский район Бурятии, как и многие другие, не обделён литературными талантами и вообще творческими людьми. С нашим замечательным краем связаны имена многих известных писателей и поэтов.

Исай Калистратович Калашников (1931-1980), автор романов «Последнее отступление», «Разрыв-трава», «Жестокий век», родился в с. Шаралдай. В 50-е годы жил и работал в прибайкальском селе Кома, в Итанцинском леспромхозе. Здесь написаны его первые произведения, в том числе роман «Последнее отступление». Роман «Жестокий век» неоднократно издавался в Москве и в Улан-Удэ. В 1979 Мосфильм снял художественный фильм «Крик тишины» по повести Калашникова «Расследование». Натурные съёмки проходили в прибайкальском селе Турка.

Михаил Григорьевич Мельчаков (1921-1999) родился в Новосибирской области. Многие годы жил в селе Ильинка Прибайкальского района. Работал длительное время на Селенгинской лесобазе. В 70-80 годах много печатался в районной газете "Прибайкалец". Автор повести «Расколдованное место» и романа «Свежун». В 1996 выехал за пределы Бурятии, в Геленджик.

Александр Иванович Пахомов родом из села Ильинка. В годы репрессий отбывал срок на рудниках. С октября 1949 живёт в Москве. Стихи и поэмы печатались в сборниках и журналах – «Байкале», «Москве», «Новом мире», «Поэзии» и др. Первый сборник «Голубые снега» издан в Улан-Удэ в 1964. Поэтические сборники «Свежун», «На солнечной стороне», «Ночами греюсь у огня», «Осенние ветры», «Булунган» и др. вышли в Москве.

Ким Николаевич Балков родился в 1937 в селе Большая Кудара Кяхтинского района. Автор многих повестей и романов. В конце 80-х, начале 90-х годов жил в селе Батурино Прибайкальского района. В районной типографии

издавал совместно с сыном Юрием журнал «Собор». Здесь опубликовано начало романа «Будда», повесть «Час смертный». Сейчас живёт в Иркутске.

Анна Ивановна Виноградова родилась в селе Ильинка. Училась в Татауровской школе. Писать стала с начала 90-х годов. Написала сказку «Госпожа Кухня» и сборник рассказов. С 1996 – пресс-секретарь общества польской культуры в г. Улан-Удэ. В 1994 издан сборник рассказов А. Виноградовой «Ди-ва». В 2003 вышла книжка «Сказки Вари».

Есугей (Сергей) Баторович Сындуев – поэт, родился в 1957 в селе Турка Прибайкальского района. Окончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. М. Горького. Автор книг «Под вечным синим небом», «Люди длинной воли: легенда о хонгодорах». Лауреат Межрегионального фестиваля авторской песни (2013).

Любовь Васильевна Зубенко (1943-2010) родилась в г. Улан-Удэ. В конце 1960-х, начале 70-х годов работала в с. Турунтаево, в районной газете. Стихи публиковались в журнале «Байкал», в коллективных сборниках. Автор поэтических сборников «Я здесь живу» (1982) и «Мой високосный год» (1989), изданных в Улан-Удэ. В начале 90-х в селе Турунтаево издавался литературно-художественный журнал "Собор". В нём опубликованы некоторые произведения Любви Зубенко.

Анатолий Григорьевич Байбородин родился в 1950 в селе Сосново-Озёрск. В конце 60-х, начале 70-х годов работал в с. Турунтаево в редакции газеты «Прибайкалец». В 90-х годах редактировал «Литературный Иркутск». Лауреат всероссийских литературных премий «Литературная Россия» (1979), «Традиция» (1995), «Отчий дом», премии им. братьев Киреевских (1999), областной премии им. Святителя Иннокентия Иркутского (1997). Победитель всероссийского литературного конкурса имени В. Шукшина (1999). Первая публикация некоторых произведений А. Байбородина состоялась в районной газете "Прибайкалец" в конце 80-х, начале 90-х годов.

Геннадий Михайлович Орлов родился в 1942 в Ильинке. Кандидат в мастера спорта по гимнастике, член Союза писателей РФ, заслуженный работник культуры РБ, лауреат премии им. Исаия Калашникова. Автор книг: "Святые и грешные" (1994). "Время жить в лесу" (2001).

Свой, пусть и недолгий, след в литературе и истории Прибайкалья оставили: **Алексей Афанасьев** (автор повести «Звёздный хоровод» – Улан-Удэ, 1980; редактор районной газеты в 1972-1983); **Николай Угрюмов** (корреспондент районной газеты в 70-80-х годах, автор нескольких поэтических публикаций в журналах и сборниках); **Мунко-Жаргал Цыденов** (корреспондент газеты «Прибайкалец» в начале 80-х, автор рассказов, опубликованных в сборнике «Небо над Байкалом» – Москва, 1986) и другие.

Небольшой фрагмент сегодняшнего литературного творчества наших земляков мы предлагаем читателям Альманаха.

*Александр Козин (Итыгилов),
член Российского союза писателей.*

Несколько историй, почти автобиографических

Галина Дрюон (Гуляшинова),
писатель, журналист.
Франция, Париж.

Об авторе

Родилась 27 февраля 1950 в Бурятии. Окончила Турунтаевскую среднюю школу. Училась в Москве.

В 1973-1986 работала в киностудии Российской Экспериментальной мастерской в Ярославле, создала ряд авторских документальных фильмов, один из которых «Сын планеты» получил «Серебряный кубок» на международном кинофестивале в Плевене (Болгария), награждена медалью Всероссийского фестиваля народного творчества.

В 1987-2001 жила в Улан-Удэ, работала в Бурятской телерадиокомпании автором и ведущей телепрограмм «Дым Отечества» и «Вы всё, конечно, помните...». Ею организованы ежегодные республиканские кинофестивали документальных фильмов, в 1989 была избрана делегатом от Бурятии на Съезд кинематографистов в Москве.

Публиковалась в республиканских газетах: «Правда Бурятии», «Молодежь Бурятии», «Буряд Унэн», «Новая Бурятия», «Информ-полис», центральных: «Правда», «Красная Звезда».

Является автором книг: «Мастера искусств Бурятии», «Бурят Валерий Инкижинов в европейском кино» (в соавторстве с мужем), «Parlons Bouriate» (на франц. языке).

Награждена юбилейной медалью Бурятии в 2010.

С 2002 живёт во Франции. Во Франции оказалась благодаря своей дочери Татьяна, поступившей в Сорбонну. Вышла замуж за французского поэта Бернара Дрюона (племянник писателя Мориса Дрюона).

Создала Европейскую ассоциацию бурятской культуры и искусства GRALTAN. Проводит в Париже фестивали бурятской культуры, печатается в газете «La Pensée Russe» (Франция).

В 2009 во Всероссийском конкурсе профессиональной журналистики «Отечество» заняла 1-е место в номинациях: «Социальный оптимизм» (очерк «Великий Окинский Шарлай»); «Служу России» (очерк «Полковник Мархаев»). В 2011 стала победителем Всемирного конкурса по истории России, классической литературе и русскому языку. В 2010-м году стала лауреатом Международного литературного конкурса в Вене.

Рассказы ее напечатаны в журналах «Венский литератор» (Австрия), «Байкал», «День и ночь», «ДиН», «Наш современник» (Россия), в литературных сборниках «GLAGOL», «Русские страницы» (Франция). В журнале "Байкал" (спецвыпуск 2005) опубликован ее рассказ "Капелька росы".

Член Союза журналистов России и Международной федерации журналистов, президент Европейской ассоциации бурятской культуры и искусства «ГРАЛТАН», член Ассамблеи народов Евразии, руководитель Комиссии по этнокультурным проектам Евразийского Совета.

Александр Козин.

Полчаса с Пьером Ришаром

Моя любовь к французскому кино – она оттуда, из уже далёкого моего детства, когда на киноэкранах шли фильмы с прекрасной Анжеликой – Мишель Мерсье, мужественным Жоффрей – Робером Оссейном, весёлые комедии с неподражаемыми Луи де Фюнесом, Жераром Депардье, Пьером Ришаром... Не имея ровно никаких других культурных развлечений, кроме небольшого турунтаевского кинотеатра, мы были ежедневными завсегдатаями одного заведения. Именно благодаря нему, нашему непритязательному кинотеатрику, открывался перед нами мир, неизведанный и столь недосыгаемый...

Этот волшебный мир уносил далеко-далеко от деревенской реальности. Именно в кино я впервые увидела красивые старинные здания, прогуливалась по узким – просто ужайшим! – парижским улочкам, сидела на набережной Сены, и голуби слетались на раскрытые ладони. В том необыкновенном городе танцевала на площади красавица Эсмеральда со своей белой козочкой, а из за угла выплывал на лошади её возлюбленный Фэб...

И там же, в далёком прекрасном Париже, жил один добродушный человек по имени Пьер Ришар, смешной блондин с взъерошенными кудрявыми волосами, ботинками разного цвета. Он всё время совершал какие-то нелепые поступки, которые иногда и объяснить-то толком нельзя было: влюблялся, попадал впросак, грустил, спотыкался, падал... Он страшно веселил нас своими ужимками, прыжками и гримасами. Мы были вместе с этим чудиком, кувыркались вместе с ним в головокружительных трюках, сочувствовали ему, неслись куда-то, при этом до коликов в животе хохоча над его приключениями, а когда заканчивался сеанс, мы, выйдя из темного и душного зала, тут же наперегонки бежали к кассе, чтобы, заплатив пять копеек за билет, снова очутиться в чудесном городе Париже и вместе с высоким блондином в чёрном ботинке снова побывать во всех его перипетиях, опять насмеяться досыта... Одно из самых лучших и светлых переживаний детства подарил мне именно Пьер Ришар!..

Я была в восхищении от него, да что там говорить, я была влюблена, хотя он записным красавцем-то никогда не был, но он был лучший... Когда мы любим, то не задаемся вопросом: почему. Мы просто любим. При желании можно, конечно, найти рациональное объяснение, но его роли простодушных растяп, рассеянных, немного нелепых людей вызывали и смех, и веселье, и жалость, и грусть, радость и восторг, и, наверное, из всего этого и вырастает любовь. Невозможно объяснить, почему любишь...

Я приехала в Париж через много лет, уже внуки у меня были... Неисповедимы пути господни... И вдруг я услышала от своей дочки, что Пьер Ришар до сего дня играет в театре, притом почти каждый день, а билеты на его спектакли раскуплены за месяц вперед... Я безмерно удивилась такой его популярности до сих пор...

– Старый ведь уже должен быть, – думала я, – уж и я-то постарела, а он – тем более... Сколько ж ему лет-то, господи?..

...Мы бежали в театр. Вверх по узкой улочке Монмартра в маленький театр, где Пьер Ришар играл спектакль «Человек у моря». Довольно грустная, но в то же время непередаваемо смешная история, как совсем не молодой человек оказывается на одной яхте с юной красивой девушкой, как пытается сопротивляться чувствам, неожиданно обрушившимся на него с непреодолимой силой... Всё есть в этом спектакле: и головокружительная любовь, и увлекательные авантюры, и, естественно, веселье и смех.

– Да какой же он старый?! – восхитилась я снова.

Братцы мои, он порхал по сцене подобно бабочке, легко и свободно!.. Он танцевал, словно профессиональный танцовщик.

Это уже потом от него самого я услышала, что в молодости он брал уроки профессиональных танцев. Да, он был всё тот же, каким я его помню и каким мы его знаем по любимым давнишним фильмам: те же потрясающе смешные гримасы и жесты, ужимки и прыжки...

О, какое наслаждение видеть его на сцене!.. Сколько же ему лет-то? – удивлялась я про себя.

Спектакль закончился. Люди стали подниматься с мест, выходить из зала, я сидела... Не хотела уходить: как это можно вот так вот просто уйти?.. Администратор зала от двери вопросительно, подняв брови, посмотрела на меня, сидящую. Я нехотя оторвалась от кресла, подошла к ней и скромно сообщила, что хотела бы встретиться с Пьером Ришаром... Администраторша вытаращила на меня глаза. Огоньки удивления, даже гнева сверкнули в её больших глазах...

– Нет-нет, – возмущённо замотала она головой, – нет-нет, это невозможно!..

Я робко потопталась около неё и начала бормотать: «Вы понимаете, я приехала за десять тысяч километров, из Сибири... я журналист... из Сибири... это очень далеко... мечтаю взять интервью у актёра Пьера Ришара...».

Я несколько раз повторила его имя: Пьер Ришар, Ришар Пьер... Ришар. Не знаю, на что надеюсь... Администраторша смотрела на меня квадратно-расширенными глазами, выражение её лица ясно говорило, что она думает обо мне. Я её понимала. Как не понять... Если всякий начнёт после спектакля помогать встрече с великим актёром...

Тем не менее, я настырно осталась стоять рядом с ней. Зал опустел.

Администраторша убежала. Потом прибежала обратно, с тем же выражением лица посмотрела на меня, стоящую неподвижно на том же месте, и снова исчезла. Потом появилась с молодым человеком, она что-то с жаром говорила ему, видимо, сообщала ему все, что думает обо мне. Он приблизился, и я ему повторила: из Сибири, мол, приехала... за десять тысяч километров, мол... встретиться с Ришаром, мол, с Пьером...

Он пристально посмотрел на меня, в точности скопировав выражение лица администраторши, и молча ушёл. Я уже сама не знала, что будет дальше...

может, они сейчас вызывают полицию, думала я... Дочка тянула меня: пойдём уже!.. Я стояла.

И вдруг в другой двери – служебный вход, рядом со сценой – появилась администраторша, она нервно замахала рукой: идите сюда!.. Я в мгновение ока оказалась около неё, почти на сцене.

– Поднимайтесь наверх, он в баре! – задыхаясь, видимо, от бега, сказала администраторша. – Он поднялся в бар... идите туда и, знаете что?.. выкручивайтесь из этой ситуации сами!..

Я рванула наверх по винтовой лестнице... Театральный бар был совсем маленький, узкий. Пьер Ришар стоял у стойки бара и разговаривал с каким-то молодым мужчиной. Оба были в черных пальто, у Ришара – длинный белый шарф, и – белая грива волос по плечам. Они развернулись, удивлённо на меня воззрились, мне не оставалось ничего другого, как приблизиться, поздороваться и объяснить. Опять я повторила предыдущий свой текст: я из Сибири, мол... десять тысяч километров... ну и так далее.

– Из Сибири?.. – переспросил Пьер Ришар. – Там холодно, снег...

– Да, много снега!.. – радостно ответствовала я.

– Я люблю снег, – сказал Ришар. – Люблю кататься на лыжах. Это мой любимый вид спорта...

Думала ли я, боже правый! что когда-нибудь буду разговаривать с самим Пьером Ришаром... Никогда, даже в самом волшебном сне не могла я представить, что буду вот так запросто стоять рядом с ним, кумиром моего детства...

Но разговор завязался... Я поразилась, какие у него яркие глаза... Синие-синие, с какими-то искорками. Вот объяснение, почему его некрасивое лицо столь сильно притягивает к себе: эти искорки из глаз, этот внутренний огонь...

Я сказала, что мы в России очень любим его.

Он не поверил мне, это было видно по глазам. Я с жаром начала говорить, что мы его знаем по комедиям и быстро перечислила их все. Он удивился (уж не знаю чему: что помню названия его фильмов? Да я бы могла наизусть все сюжеты пересказать!), засмеялся: «А я не любил эти свои фильмы»...

– Вы не любили свои фильмы?.. А мы, наоборот, смотрели с восторгом!..

– А я только теперь стал пересматривать их... Да, смотрю иногда. И даже нахожу, что в молодые годы я не был так безнадежно плох...

Как хорошо, что рядом со мной была дочка, которая переводила ему мой довольно сбивчивый монолог, в котором я пыталась передать мои те давние детские восторженные ощущения от комедий с его участием. Ришар отмахнулся: «Да нет, я не любил себя в молодости...».

Он обратился с легкой усмешкой к своему молодому коллеге, я узнала его – актёр, он только что был на сцене в этом спектакле. Индифферентно стоял рядом, то ли прислушиваясь, то ли нет.

– В молодости мы все хотим быть Делонами, не правда ли?.. А я-то уж очень хотел быть Аленом Делоном...

– И сейчас ты стал Делоном... – подхватил юмор коллега...

– Нет, конечно! да я и не хочу быть им... Я уже очень давно понял, что внешность — это далеко не всё... Мне просто нравится видеть на экране свою милую физиономию...

Они оба расхохотались.

Он не знает, что у нас России такой простосердечный добродушный парень, каким его создал Пьер Ришар, типаж открытого, в чём-то смешного растяпы, всегда был любимым. Такие парни были популярны, потому, что с ними просто и весело, и от девушек у них не было отбоя. И дрались из-за них, и вообще ужас что делали: стоит только вспомнить фильм «Он начинает сердиться». И всё-таки Пьер Ришар усомнился, что он в России столь известен...

– Меня знают? даже в Сибири?.. – заинтересованно спросил он.

– У нас идут до сих пор Ваши фильмы, и я уверяю, что в Сибири Вас знают и любят... Вы сомневаетесь?..

Маленькое отступление.

Со времени нашей встречи прошло уже больше десяти лет, за это время Пьер Ришар, конечно, лично убедился, что да, известен, да, любим, ибо после нашей встречи он уже не однажды побывал в России, снялся в нескольких совместных картинах: в фильме Ираклия Квирикадзе «Тысяча один рецепт влюблённого», затем у Наны Джорджадзе в фильме «Лето, или Потерянные поцелуи». А в последние годы Пьер Ришар почти ежегодно ездит на кинофестивали в Москву, в Ханты-Мансийск. Вот где отрада ему: уж там-то, в Ханты-Мансийске, снега он навидался вдоволь... Наверно, и на лыжах накатался.

...Наш разговор продолжался. Я ещё раз повторила, что мы его знаем по фильмам и любим, чтобы он не сомневался...

– Ммм... Но я всегда сомневался... Даже моя актерская жизнь началась с сомнений... В России, к сожалению, не все мои фильмы видят... Когда-нибудь зрители поймут, что я могу быть другим в кино...

Ришар добавил серьёзно: «Я не так давно снялся в фильме об Эрнесто Че Геваре... Вот эта роль отражает моё содержание!.. Я ведь, как и Че Гевара, бунтарь и отшельник...».

– Вы и в театре играете...

– О, если я перестану играть в театре, то в тот же момент умру, наверное... Для меня сцена – как настоящий наркотик... Но уже, конечно, из-за возраста приходится тяжело: видите, как устал после спектакля – еле на ногах стою. Но это после спектакля, а, когда я на сцене, то у меня просто крылья вырастают. Я обожаю наблюдать, как зрители реагируют на каждое моё слово, на каждый мой жест. Меня вдохновляет смех зрителей, я заражён театральным вирусом... Буду играть, пока смогу...

Глядя в его серьёзные глаза, я сказала: «Многие комедийные актёры в жизни редко улыбались...» (судорожно вспоминая: где же я читала эту банальность?).

– А вы что, думаете, я хохочу круглые сутки?.. Я просто устал, вечер уже... да и здоровье уже не то... Но я обожаю дружескую компанию, застолье. Когда люди веселятся, у меня хорошо на душе...

Ещё немного помолчал и добавил: «Я люблю спать. Могу задремать, даже если вокруг меня много народу и гремит музыка. Когда ты разменял восьмой десяток, хочется элементарного человеческого покоя...».

И я поняла, что пришло время попрощаться... Полчаса с Пьером Ришаром, словно одно мгновение!..

Его настоящее имя Пьер Морис Шарль Леопольд Де-фе-Ришар. Он родился и вырос на севере Франции в респектабельной богатой семье текстильного промышленника. Мальчик рос, окружённый любовью семьи и светлыми надеждами, что он продолжит дело своего деда и всей семьи. Но вдруг Пьер объявил, что хочет стать актёром. Вся родня резко воспротивилась. Семья была против выбора Пьера, несмотря на то, что все безоговорочно признавали талант мальчика: ведь он с самого раннего детства постоянно выступал перед гостями с чтением «Сирано де Бержерака» в старинном замке своего деда. Ребёнок выступал с громадным успехом и рано привык к мысли, что он рождён для актёрства, для сцены.

Дедушка желал и настаивал, чтобы его единственный внук продолжил семейное текстильное дело, однако Пьер упрямо стоял на своем: хочу быть актёром! И, несмотря на сопротивление всей семьи, этот «маленький кривляка», как его прозвали с детства, поехал в Париж в поисках своего счастья. Родные полностью отказались от него!..

В Париже Пьер Ришар сполна претерпел все мытарства начинающего актёра. Отвернувшаяся родня и не думала помогать ему. Пьер стиснул зубы: добыюсь своего!.. Он без всякой помощи выучился на драматических курсах, в школе профессионального танца, а после окончания сразу начал выступать на подмостках маленьких кафе и рядовых кабаре с юмористическими скетчами, которые сам же и сочинял по ночам.

Так продолжалось довольно долго, успех никак не приходил, и порой в часы отчаяния Пьеру казалось, что судьба никогда не будет благосклонной к нему. Однако он, преодолевая все сомнения, упрямо, через все тернии, двинулся вперёд...

По-прежнему выступал в разных кафе, а в глубине души мечтал, грезил о кино. Удача улыбнулась ему совсем не скоро. Ришару исполнилось уже тридцать четыре года, когда кинорежиссер Ив Робер неожиданно пригласил его сняться в небольшой комической роли. И Пьер Ришар почти сразу нашёл свою маску: романтичный и влюбчивый простак с кудрявой шевелюрой, смесь грустного Пьеро с Ръжим клоуном.

Но, конечно, невероятный успех и настоящую популярность сначала во Франции, а потом и во всём мире, принесла актёру роль скрипача в фильме «Высокий блондин в чёрном ботинке». И в Россию Пьер Ришар, можно сказать, ворвался в своём уже знаменитом на весь мир «чёрном ботинке». Не

случайно сейчас у него дома, как самая дорогая награда, стоит маленькое изваяние кожаного ботинка, которое для него изготовили специально в подарок.

На протяжении своей кинематографической карьеры Пьер Ришар снялся в более чем пятидесяти фильмах. Сейчас у него своя компания «Фиделин-фильм», которая, кроме фильмов, выпускает также диски с записями песен Пьера Ришара, ведь у него замечательный голос, он прекрасно поёт!..

До сегодняшнего дня он играет в театре пьесу «Страсти по Ришару» вместе со своими двумя сыновьями Кристофом и Оливье. Оба профессиональные музыканты, они счастливы играть с отцом на одной сцене. Пьер Ришар – автор биографической книги и нескольких детских сказок, которые он написал для своих четверых внуков.

Самым лучшим своим другом он считает Жерара Депардье, с которым сыграл вместе в более чем десяти картинах. Именно по совету своего друга Депардье Пьер Ришар приобрёл виноградники на юге Франции и стал заниматься виноделием. Ежегодно он выставляет на продажу несколько десятков тысяч бутылок вина, которое экспортирует в Бельгию.

Несколько лет Пьер Ришар прожил на реке Сене в роскошной яхте со своей женой красавицей-мулаткой Сейлой, про которую весело говорит: «Она у меня четвертая и – последняя!..». Сейла – известная фотомоделль и актриса. Они живут в полной гармонии. Сейчас эта замечательная пара переехала с берегов Сены в свою парижскую квартиру. И до сих пор, как в ранней молодости, Пьер Ришар гоняет по Парижу на мотоцикле. Вместе с Сейлой!..

2007 г.

Мой друг Роже

Мы столкнулись в Улан-Удэ на крыльце городской библиотеки. Широкое библиотечное крыльцо было покрыто тонкой, просто тончайшей плёнкой льда: откуда-то натекла вода, да так и застыла, превратив участок на входе в небольшой опасный каток. Опасность усиливалась ещё и тем, что само крыльцо было выложено узорной керамической плиткой, скользкой независимо от намерзшего льда. Я осторожно ступала, глядя себе под ноги, чтобы нечаянно не упасть, как вдруг меня окликнули. Вскинув голову, увидела перед собой свою подругу Надю. Закадычная подружка, с которой вместе учились в школе, потом в университете, только на разных факультетах: она выбрала себе иняз. Надя и меня зазывала осваивать иностранные языки, но мои воспоминания о школе – о, да, я очень хорошо помнила, как наши мальчишки в классе измывались над молоденькой училкой французского... Воспоминания отбивали всякую, даже мало-мальскую охоту идти на этот факультет. Мне казалось, после иняза ожидает печальная участь несчастной учительницы в школе, а я себе этого никак не желала. Мечты, мечты, они уносили меня куда как выше... Журавль в небе, синица в руках...

После университета дороги наши с Надей надолго разошлись: работа, семья, дети, прочие радости жизни. Я давно не видела свою подругу и искренне обрадовалась встрече: о, Надя!.. Мы крепко обнялись, огласив окрестности радостными возгласами – две жизнерадостные сорокалетние женщины. Надя критическим взглядом оглядела меня, она всегда была весьма критичной, моя боевая подружка, удовлетворённо хмыкнула и сказала: «Знакомься». Рядом с ней стоял высокий человек. На нём было длинное тёмно-синее пальто, вокруг шеи – толстой вязки светлый шерстяной шарф. Вполне элегантно, если бы не шапка. Да уж, шапка на голове была совсем не того... Большая меховая шапка, не шапка, но малахай какой-то. Мохнатый, давно потерявший форму, нелепый малахай.

– Роже.

Он подал мне руку, смешно взмахнул другой, чтобы удержать равновесие на тонком льду и так стоял, держась за мою руку и балансируя. Я засмеялась, не удержаться было...

– Он француз, – сказала Надя.

Француз, боже мой... француз в нашей глубинке. Откуда?..

– А ты его переводчик? – зачем-то спросила я, хотя и так ясно было. Я с уважением смотрела на Надю.

– Да. А он француз, – повторила Надя.

Так мы постояли еще чуть-чуть, какие-то не очень важные вопросы задавая друг другу, потом я спохватилась: «Я иду на встречу, здесь сегодня заседает ассоциация друзей Франции. А вы не туда, случайно?».

– Случайно туда, – засмеялись они.

Когда Роже снял шапку, едва не ахнула от неожиданности: он был рыжий!.. Волосы просто полыхали, будто солнышко осветило залу. Высокий, статный, солнечный.

Так мы познакомились.

Про нового знакомого в тот вечер я узнала следующее: по национальности – француз, а по должности – директор программы ТАСИС. Это было интересно: программа Европейского экономического сообщества была создана для поддержки в России перестройки, и, благодаря этой программе, по всей России строили больницы, детские дома, реставрировали архитектурные памятники и ещё много чего другого делали. Оказалось, Роже не впервые в России. Первый раз он приехал в нашу страну пять лет назад, руководил строительством госпиталя в Новгороде. А вернувшись во Францию через два года, узнал, что есть проект по сохранению озера Байкал.

Байкал... Роже никогда раньше не был в Сибири, а всегда мечтал увидеть это знаменитое озеро, про которое говорят, что оно самое чистое, самое глубокое, самое большое в мире. Роже спал и видел во снах, как едет на Байкал!.. Он так сильно хотел увидеть своими глазами и это озеро, и дикую сибирскую природу, что мечтам его просто было грешно не осуществиться.

Роже умел добиваться своих целей. И вот он здесь, в самой глубинке России, на берегу Байкала.

– Мне очень повезло, – сказал он на встрече и повторил: – Мне повезло.

Он рассказывал о себе просто, отпуская в какой-то момент неожиданные искромётные шутки, мы охотно откликались смехом. Он сказал: «Я удивлён, что в такой глубинке есть ассоциация друзей Франции, вы даже говорите на моём родном языке. Мне приятно это узнать».

Моя соседка справа, женщина, вполне интеллигентная на вид, наклонилась к моему уху и начала громко шептать: «Наверное, думал, что, если здесь тайга дикая, то и люди необразованные...». Я приложила палец к губам: «Тише, тише, не надо»... Есть в некоторых не то ущемленные амбиции, не то обостренно самолюбивые нотки: а вы думали, мы тёмные, необразованные...

Роже притягивал к себе. Он притягивал к себе, это правда. И совсем не потому, что иностранец. От сияющей улыбки, от рыжих волос невозможно было оторвать взгляда. После встречи его обступили со всех сторон. Я терпеливо выжидала. Ещё во время встречи решила, что обязательно приглашу Роже в свою передачу. Я в то время работала на телевидении, у меня была собственная авторская программа, которую сама придумала, и режиссёр мне достался очень хороший, дело шло. Писала сценарии, приглашала в передачу артистов, художников, композиторов – говорили о творчестве, о проблемах: в стране наступили те самые лихие девяностые, хаос царил везде, но в творческих кругах особенно...

Мне хотелось представить Роже местной публике, познакомить с человеком «оттуда».

– Отличная ведь получится передача, должна быть яркой, – думала я, внимательно слушая Роже.

Ждать мне пришлось долго. Надя работала в буквальном смысле без умолку. В какой-то момент вдруг все порешили изъясняться на его родном языке, пусть даже и с пятого на десятое – Роже сам им предложил это.

Их беседа началась, и моя Надя получила передышку. Она подошла ко мне.

– Слушай, какой адский труд, ни секунды свободной, – сочувственно сказала я.

– Да уж... вот такая работа синхрониста... особенно трудно, знаешь, когда приходится на ходу переделывать, переиначивать фразы...

– Переиначивать?

– Но это не с ним, нет, только не с Роже! – Надя понизила голос, – это с другими... иногда такое завернут... А Роже нет, он всё нормально воспринимает...

Мы ждали. Роже никак не мог вырваться из круга, и он уже время от времени начал поверх голов обступивших бросать выразительные взгляды на нас с Надей, стоящих поодаль.

– Ну... пошла вызволять своего камрада, – сказала, наконец, Надя.

Мы ещё долго прощались, Роже шутил, мы отвечали радостным смехом. Было отрадно, на самом деле приятная встреча.

Мне не удалось сказать ему ни слова, хотя и было что сказать. Дело в том, что моя дочка именно в тот год окончила университет и поехала в Париж учиться в Сорбонне. История длинная, расскажу коротко: на пятом курсе дочку, как одну из особо успевающих студенток, отправили во Францию на двухнедельную стажировку, и во время этой стажировки она решила попытать свои силы, попробовала сдать экзамены в Сорбонну, и надо же такому случиться... была принята!.. И отправилась дочь моя учиться в далёкий Париж, в вожделенную Сорбонну. Для меня эта счастливая новость в конечном итоге оказалась грустной, потому что я очень скучала по ней, единственной моей дочке. Париж казался мне настолько далёким, подумать только: семь часов разницы во времени, девять тысяч километров, она, считай, живёт на другой стороне планеты... Когда теперь увидимся... Ночами писали друг дружке длиннющие письма, часами разговаривали по телефону. Кто бы мог подумать, что очень скоро у нас появится возможность передавать друг другу не только весточки, но и посылки, ибо Роже летал в Париж один раз в месяц и с удовольствием выполнял мои просьбы, а потом, после его возвращения оттуда, я выпрашивала у него подробности: как она выглядит, не слишком ли похудела... Но это я намного вперёд забегаю. Вернёмся, как говорят французы, «к нашим баранам».

Следующая наша встреча с Роже была назначена по телефону, я позвонила сама – предусмотрительно взяла в тот вечер номер его телефона. Он согласился приехать в телестудию сразу, без лишних церемоний, что мне тоже понравилось. Пока не случилось ничего, что могло бы испортить впечатление о нём, это радовало. Сразу объясню, что в моей практике бывали случаи, когда хочешь пригласить в передачу человека, а он вдруг начинает такие речи произносить, словно он был и есть сам бог или что-нибудь вроде такого этакого-раззтакого, что подчас всякое желание общаться пропадало напрочь.

Но этот иностранец пока радовал. Сценарий мой был готов, запись назначена. В положенный час Роже приехал.

– Мне по штату положен шофёр, не стоит беспокоиться, – пошутил он, когда я предложила ему телевизионный автобус. Да и во время записи Роже вёл себя так непринуждённо, что наши ассистенты, особенно ассистентки, просто влюбились в него. Потом, позже, отмечались его синие глаза и совершенно огненные волосы: «Будто солнце внёс в студию», «Какие глаза» – это произносилось нашими девочками с придыханием...

Он родился в Кальвадосе, в маленьком нормандском городке, известном всей Франции своими вкуснейшими карамельками Дюпон д'Исини. Он обожает до сих пор эти конфеты!..

– Могу угостить, хотите конфеточек? – предложил он.

Детство его счастливо прошло в живописном месте у подножья гор д'Аррэ. В этом чудесном месте у них было родовое поместье с необъятной лужайкой,

по которой он ребёнком бегал взапуски со своим старшим братом. Однажды брат подарил ему на день рождения атлас, и отныне Роже часами просиживал с любимым атласом. По этому атласу он совершил своё первое «путешествие в Париж»: весь путь от Кальвадоса до Парижа жирно прочертил карандашом по карте!.. Так начал «путешествовать».

Желание видеть мир настолько сильно овладело Роже, что, несмотря на диплом инженера по автоматике, полученный в университете, он уезжает из Франции в Канаду. После Канады, Квебека он прошёл Седан, потом Арденны, а после Арденн, случайно встретив на улице друга, услышал от него, что есть возможность поехать в Бразилию. Что делать в Бразилии?.. Преподавать географию!..

Так страсть к путешествиям привела его за океан в солнечную Бразилию. Молодой преподаватель университета, привлекающий сияющей улыбкой и пышной рыжей шевелюрой, он сразу завоевал симпатии студентов. Там же, в Бразилии, встретил свою единственную любовь.

Он был счастлив, Роже. Он работал, дома его ждала молодая жена, один за другим родились дети. Он обожает своих детей: сына Жиля - сын сейчас работает в банке, и свою дочь – красавицу Клэр. Он до сих пор любит Бразилию, обожает бразильцев, их национальную культуру: музыку, танцы, песни.

– И сам пою, – не стал скромничать Роже.

– Если б мы знали, то приготовили бы рояль в кустах, – начала я...

– Но мне не нужен рояль, зачем? – с улыбкой отозвался Роже. Он без лишних слов тут же начал отбивать ритм пальцами по столу и, зажигательно играя глазами, исполнил бразильскую песню, аккомпанируя себе по столу, как по тамбурину. Получилось красиво, отличный голос, отлично поёт... Студия наша вся цвела от улыбок, он без всякого усилия завоёвывал людей!..

Я спросила его, знаком ли он с культурой нашего народа.

– Пока нет, но это потому, что я совсем недавно здесь, – дипломатично сказал Роже.

У меня тут же возникла мысль удивить его. Правда, эта моя идея воплотилась в жизнь только через полгода. Но не буду опять забегать вперёд.

Мы были так увлечены артистизмом Роже, лёгкостью, я бы сказала по-французски «charmant», если можно употребить это определение для мужчины, но шарм был истинно французским!.. И мы записали с ним передачу в баснословно короткий по времени срок, почти без остановок и дублей, что бывает редко в нашей работе. Иной раз с героем мучаешься по несколько часов: то капризы, дубли, дубли, дубли, порой и техника не выдерживает, то сама вырубится, то свет вырубит. Это когда не везёт.

А с Роже нам повезло. Он оказался необыкновенным рассказчиком. Ему довелось работать и в Африке, и на Среднем Востоке, в Ираке, в Ливии, Хадаффе, в Марокко. Он совершил миссию в Багдаде и с особой гордостью рассказал, как однажды пересёк пустыню Амман на такси!.. И, конечно, как сказку,

вспоминал своё пребывание в вечном и бессмертном Египте с его пирамидами и королевскими долинами.

Мы расставались с нашим собеседником чрезвычайно довольные разговором. Меня тронул его вопрос в конце: «Я не подвёл Вас?..».

После записи он одевался в гостевой комнате, я пришла проводить нашего гостя. Роже надел своё длинное пальто, неторопливо обмотал шею шарфом, взял в руки свою меховую шапку, тот самый нелепый малахай, который насмешил меня в первый день знакомства. А надевать не стал, держал, мял в руках мохнатый бесформенный головной убор, мне даже показалось, спрятать за спину хотел.

– Наденьте шапку, – сказала я, – на улице холодно.

– Да-да... это для холода, – засмутился он, но не надел. Стало понятно, что кто-то вручил свою старую, которая и годилась-то только на выброс, и Роже видит, что она смешная, даже стесняется немного. Почему он не купит себе шапку?..

Я помнила о том, что хотела удивить Роже, поэтому на следующий же день позвонила своей подруге, директору хора семейских старообрядцев.

– Лен, когда у вас следующий концерт, есть в планах?

– Есть, а что?

– Да вот, хотела бы пригласить к вам на концерт одного человека.

– Что, важный гусь? – поинтересовалась Лена.

– Не то, чтобы важный... он иностранец. Никогда не видел, не слышал ничего нашего... Для него экзотика.

– Откуда он?

– Из Франции.

– О! – воскликнула моя Леночка. – Францию обожаю!.. Для француза, конечно... эт мы завсегда!.. Давай мы его пригласим в наш Семейский дом.

– Ой! – в свою очередь пискнула я. – Вот будет здорово!..

Тут я должна приоткрыть для вас дверь в Семейский дом. Узнаем немного больше о наших семейских.

Семейские старообрядцы появились у нас в Сибири давно, ещё в восемнадцатом веке, когда царица Екатерина выдворила, выгнала их из центра России, сами знаете за что. С Никоном у них нелады большие были. Вот и пришлось старообрядцам погрузиться семьями на телеги и уйти навсегда, покинуть родные свои места, и так на телегах передвигались они по всей России. Где их заставало лето, там останавливались, сеяли хлеб, пшеницу, проходило время – двигались дальше.

Шли они долго, десятилетиями. Драматичен был их путь, невиданно потерь и неслыханно горя... Наконец дошли до Сибири. Дикая первозданная природа их ошеломила, пейзажи радовали глаз и восхищали. И порешили они установиться тут. Стали поселяться. А поскольку прошли они свой тяжкий путь с семьями и здесь селились семьями, местные говорили: «вот семейские пришли». Так и осталось им прозвание такое – «семейские».

Почти триста лет уже они живут здесь. Свои деревни построили, со своим старинным укладом, особым бытом. А бабушкины разноцветные сарафаны да украшения из драгоценных камней передают от дочерей внукам, от внучек правнучкам и дальше, но главное – свою культуру сохранили, старинные русские песни, не изменив их сущности, то есть: вот сколько певцов в хоре поёт, столько и партий. Каждый певец поёт свою партию. И выходит многоголосие. Уникальное пение, семнадцатый век.

К слову скажу, что во всей России из сохранивших эту культуру пения остались только они – сибирские семейские. Уже нет больше таких многоголосных хоров в России. Поэтому наших семейских и во Франции с таким почётом встречали: они аж в личной резиденции самого посла России Орлова имели честь выступать!.. Смогли мы в такую даль привезти только девять артистов-певцов – они на девять голосов и пели.

А у себя дома в деревне они организовали такой Семейский дом. Как музей. К ним ведь со всего света едут: и американцы, и те же французы, и испанцы, японцы, португальцы, итальянцы – всякий разный люд, чтобы познакомиться с необычной культурой. Вот и открыли Семейский дом. Всё там по старинке, всё, как было в семнадцатом веке. Там они гостей-туристов со всего мира и встречают, там их своей вкусной едой семейской угощают и песни старинные для них поют.

– Слушай, Лен, да, Семейский дом, это будет классно...

– А ещё лучше – сказала мне Лена, – если мы сделаем ему персональный концерт на нашем Кресте.

– Ох!.. – у меня даже дыхание перехватило. – Это ж какая красота!.. На всю жизнь память.

– Но для этого надо ждать лета.

– Давай подождём, – сказала я, – время у нас терпит.

Что такое концерт на Кресте, надо рассказать отдельно. Крест – это у нас за городом такое возвышение. Ты поднимаешься, стоишь на самом вершине холма, и перед тобой открывается даль необъятная, зелёная-зелёная... Далеко-далеко внизу видишь голубую ленту реки, она там разделяется на рукава, четыре-пять рукавов, и, когда смотришь сверху на эти блестящие узкие ленты воды, которые, игриво изгибаясь, текут себе в разных направлениях – красота неопишная. На этом холме ощущаешь настоящее парение – ты паришь в воздухе.

Прямо в середине – площадка: круглая, ровная, утоптанная, будто природа специально подготовила площадку-сцену для выступления. Зрители располагаются на мягкой зелёной травке вокруг. Я многожды бывала там на концерте семейского хора, но всегда – сильнейшее впечатление. Потому что артисты, кроме пения своих песен, ещё устраивают старообрядческие игры, танцы, показывают свои обычаи. Получается на самом деле незабываемое зрелище.

– Подождём, – повторила я, – время терпит.

Телепередача Роже понравилась, он мне позвонил и поблагодарил. Меня опять тронула его внимательность, наши-то никогда и не подумают позвонить после передачи.

Мы с Роже довольно быстро подружились благодаря моей дочке. Роже раз в месяц летал в Париж и всякий раз по моей просьбе ехал в Сорбонну, а потом, вернувшись, обязательно со всеми подробностями рассказывал, как она учится, как живёт, что говорит, даже во что была одета, даже что кушает... Точнее, это я у него выспрашивала, он терпеливо рассказывал. Мне кажется, он меня очень хорошо понимал, мои чувства, да, конечно, понимал. У него самого оставалась в Париже дочка Клэр, по которой он невероятно скучал, потому так часто и «срывался» домой.

Он умел делать приятности. После первой его поездки в Париж, то есть после первого возвращения, Роже на другой же день позвонил мне. Я приехала. Роже встретил меня внизу с таким загадочным выражением лица, что я сразу заподозрила какой-то сюрприз. И вот мы входим в квартиру, и... я вижу фотографии!.. Они везде: на столе, прислонённые к стопке книг, на комодке, на полках стенки-серванта, даже на стену прикреплены скотчем – везде я вижу фотографии своей дочки, десять, двадцать фото – целая галерея!..

– Боже... что это?..

А это Роже привёз фотографии. Казалось бы, столь занятой человек... Но нет, он знал, как это нужно – мне, и сделал это – для меня. И стоит ли говорить, что вся эта фотоэкспозиция была тут же аккуратно снята со всех стенок и торжественно на память мне преподнесена.

Он легко находил общий язык с людьми любой национальности, в этом у него был прекрасный опыт, который даже трудно представить: ведь за свою жизнь Роже объехал около пятидесяти стран мира.

Конечно, в нашем городе он привлекал к себе внимание, прежде всего, потому, что иностранец, «иной и странный», как сказал поэт, но гораздо сильнее притягивал своими качествами: открытый, доброжелательный, остроумный... Так тонко умел иногда сказать, просто невозможно было удержаться, чтобы не покатыться со смеху... Рассказывал мне однажды о своём французском друге: тот художник, талантливый, они вместе росли, дружат с детства. Роже с любовью повествовал о нём, его творчестве и вдруг говорит:

– Я его называю Пикассо...

– Пикассо? Почему?

– Ну... Я бы хотел называть его Ван Гогом, но мой друг не хочет отрезать себе уши...

– !!!!!

И всё же думаю, главный секрет его успеха был в абсолютной готовности помогать людям. К нему постоянно обращались люди, наши люди со своими проблемами. Не знаю, почему они шли к этому иностранцу, который и приехал-то совсем ненадолго, и приехал-то совсем по другим делам, у него своя –

глобальная – программа, весьма далёкая от того, чтобы решать личные проблемы трудящихся чужой страны.

– Зачем ты этим занимаешься? – спросила я как-то, – это же не твои проблемы.

К слову, «не мои проблемы» – очень французское выражение, как часто я слышу это здесь!.. Но, похоже, Роже в этом смысле не был французом...

– Люди просят, – ответил он.

Роже помогал с медикаментами, лекарствами, он потряс всех, когда, пусть и с трудом, но добился и отправил женщину на операцию аж во Францию. Тогда, двадцать пять лет назад, ещё не было моды отправлять больных на лечение за границу, нет, не было такого...

Долго ли, коротко ли, но лето таки пришло, наше короткое сибирское лето. Наступила необыкновенно тёплая пора, и стало ясно – пришло время удивлять нашего француза.

Мы созвонились с Леной, договорились обо всех деталях нашей операции «Крест». Потом я позвонила Роже – это была пятница – и спросила, готов ли он поехать со мной в субботу в одно очень красивое место.

– На Байкал? – сразу оживился он.

Я знала, что он любит бывать на Байкале. Тут такая штука, что на Байкале много разных мест, можно в любом приглянувшемся тебе селении остановиться, выйти на берег Байкала: везде красиво по-своему. И даже если ты здесь побывал, а в другом месте ещё лучше, и ещё много-много неизведанных и прекрасных мест там, на Байкале, остаётся. И можно беспрестанно ездить на Байкал, всякий раз открывать его заново, всякий раз удивляться, восхищаться, но самое главное – набираться сил и здоровья, ибо Байкал даёт реально ощутимую энергию. Святое озеро, шаманское. Там в самом воздухе носится что-то такое... силу даёт...

Я уже слышала от самого Роже, что он очарован и готов видеть Байкал в любое время года. Но я должна была его чуточку разочаровать.

– Нет, это не Байкал. Но тоже очень красиво. Соглашайся, будет интересно.

Конечно, Роже согласился, правда, с некоторыми оговорками, дескать, он бы с удовольствием и на Байкал сгонять не против... Однако планы у меня были другие. Я сообщила ему, что мы выезжаем из города в двенадцать часов.

– А где обедаем? – быстро спросил Роже.

Как истинный француз, он всегда обедал в одно и то же время, и перспектива оказаться в обеденный час неизвестно где (в лесу?) его, понятное дело, никак не устраивала.

– Обедать вовремя будем, не волнуйся.

Роже заколебался. Я его понимала: он должен точно знать, где именно и во сколько он будет принимать пищу.

Пришлось приоткрыть карты: едем на природу. Пикник.

Через какую-то паузу:

– Ммм... это будет пикник?.. И всё готово?

– Да, всё готово. Не волнуйся.

– Ммм... Ну, хорошо, я согласен, завтра в двенадцать.

Согласился, чувствую, скрепя сердце, положил трубку. Я, услышав гудки, расхохоталась, представив на минутку его растерянное недовольное лицо: чёрт те что, ничего неизвестно, и чего она выдумала?

До холма этого, до Креста, ехать всего двадцать минут, я знала это, так что как раз к обеду поспеем. И, конечно, я не сомневалась в Лене: она меня не подведёт, приедут на место с артистами, всё подготовят и сделают «комильфо».

Но, как всегда бывает, внезапно заполз червь сомнения, и меня начало понемногу потряхивать: а вдруг что-то не сложится, вдруг погода наша капризная подведёт?.. Только бы не было дождя!.. Можно сказать, ночь я провела в молитвах. Только бы не было дождя!.. Наши синоптики ведь люди непредсказуемые: бывает, по радио честно заверяют – завтра погода без осадков, а назавтра целый день сеет дождь...

К счастью, утром за окном светило яркое солнце. И ровно в полдень, минута в минуту, мы выехали из дому. Теперь уже в дороге меня настигла боязнь: ох, не сорвалось бы... Приедут ли мои артисты вовремя?.. Мало ли что может случиться... Сейчас приедем, а на холме никого нет, пусто... Бог мой, что тогда?.. Я дрожала от волнения, переводчица Надя, моя боевая подружка, взяла меня за руку, она всё понимала.

Дорога до Креста замечательно извилистая, тянется вдоль реки, слева высокие скалы, справа спокойная течёт река, отражая синее небо. Небо, и правда, было синее-синее, ни облачка. Виды – одно наслаждение.

Мы повернули за поворот: уфф!.. Там стояли артисты!.. Яркими пятнами на зелёной траве расположились они в своих весёлых разноцветных сарафанах, их сложные головные уборы – кичками называются – сверкали на солнце... Роже ахнул: потрясающая воображение картинка!.. Тут же закопошился, полез в свою сумку и начал щёлкать фотоаппаратом.

Мы вышли из машины. Артисты нас обступили полукругом и запели приветную семейскую... В руках у девушек были серебряные подносы, уставленные разной едой, в руках у мужчин – огромные десятилитровые бутылки. А что в бутылках, догадаться совсем не трудно.

И уже через минуту первый стакан протягивают Роже, под разудалую заздравную песню он его выпивает... Откуда-то появился большой стол, складные стулья, нас усадили за стол с яствами. Вижу, Роже доволен: обед вовремя. Артисты вокруг с песнями, шутками-прибаутками только успевали подливать Роже своей семейской самогонки да еду семейскую подкладывать на тарелки – ох и вкусно же семейские бабы готовят!.. Сами артисты тоже совсем не промах, они между песнями, пританцовывая, тоже себе наливали и едой разной закусывали – одним словом, праздник...

И вот, после обеда, разомлевшие на солнце, сидим, откинувшись на спинки стульев. И выходит Лена и запекает старинную семейскую песню. Песня об одинокой солдатке, что ждёт своего мужа с войны, что тяжкая жизнь у неё, невыносимая, и столько тоски печальной в этой песне... Роже плакал. Ведь слов не понимает, но так песня за душу взяла, что слёзы катились по его лицу, и не знаю я, о чём он думал, что он вспоминал...

А потом уже и в игры разные стали играть. Семейские выходят в круг и запевают песню: «Вот сидит одинокий жених, а вокруг столько девушек молодых, выбирай, жених, выбирай себе невесточку...». Из круга вышла одна из певиц, подошла к Роже и подала ему руку. Роже встал, она повела его по кругу. И пошёл Роже по кругу, и выбрал себе «невесту», а семейские уже бросают маленький квадратный коврик на землю: «Становитесь, молодые, на подушку, поцелуйтесь, молодые!». Весёлая игра, и всем стало весело, от всей души включились в эту игру, нацеловались вдоволь... Надо ли вам говорить, что главным «женихом» всё время оказывался Роже, вот ему больше всех и досталось!..

А под занавес семейские показали старинный обряд наряжания жениха и невесты. Наш главный жених выбрал невесту, их посадили на стулья в центре и стали обряжать в национальный семейский костюм. Обряд длится очень долго, с песнями, прибаутками, шутками... И, конечно, мы сделали фото на память. Я до сих пор храню и буду всегда хранить эти фотографии, запечатлевшие счастливейшее лицо моего друга Роже, его сияющую улыбку.

Роже был потрясён безмерно. Он не знал, как выразить свою благодарность, щедро от души расточал певицам, девушкам разнообразные витиеватые комплименты, вызывая искренний смех всех окружающих. Он трогательно благодарил всех артистов, всех, всех, всех... Нас с Леной просто распирало от счастья. Я поняла в тот день, что истинное счастье – когда ты даришь радость. Низкий поклон моим семейским друзьям.

Прошло три года. Роже закончил свою миссию, уехал в Париж. Там, в Париже, он познакомил мою дочку со своей: девчонки подружились – две ровесницы, обе в то время учились в Сорбонне. Забегая опять далеко вперёд, скажу, что дружат наши девочки до сего дня, хотя два десятилетия прошло, пролетело!.. Обе уже замужем, обзавелись семьями, мужьями, детьми, в скобках: у каждой по трое детей!.. Нежная дружба их продолжается, как говорил герой известного и любимого всеми фильма: «будем дружить семьями»...

Ещё через год моя дочка окончила Сорбонну и стала работать в нефтяной компании. Тогда, двадцать лет назад, эта французская нефтяная компания как раз начала совместный проект с Сахалином, и моя дочка удачно вписалась в этот проект в качестве переводчика.

Вот, наконец, наступила и мне пора приехать в вожделенный Париж. Отлично помню свои первые шаги на французской земле в аэропорту Шарль де Голль. Я выхожу в яркий вестибюль аэропорта, он весь стеклянный, сверкает!..

– Мама! – и я вижу свою дочку, рядом высокий человек – как всегда, его голова возвышается над всеми в толпе – мой друг Роже.

Именно в этот день его дочка Клэр выходила замуж, вот как я подгадала!.. Прямо с корабля на бал... Мы с дочкой заехали в её небольшую комнатку в Париже, которую она снимала, оставили мой чемодан, быстро переоделись и сразу поехали на свадьбу. Это была французская свадьба, которая да, заслуживает подробного описания, ибо не имеет ничего похожего на наши традиционные свадьбы, по крайней мере, для меня всё проходило необычно... Но давайте по порядку.

В мэрии было уже всё готово к бракосочетанию. В центре большой залы (так по-старинному хочется назвать это симпатичное помещение) стояли два царских трона с высокими спинками: для жениха и невесты. Тесным кругом были расставлены кресла для гостей, которых было видимо-невидимо. Как минимум десять фотографов, разных возрастов, с бородами и безбородые, но с аппаратами наперевес расхаживали в полной боевой готовности. В ожидании начала церемонии гости оживлённо переговаривались, радостно приветствовали друг друга и целовались. По четыре раза в обе щеки!.. У них обычай такой: четыре раза.

Вот, наконец, появился мэр города с широкой сине-красно-белой лентой, повязанной через плечо вниз. Мэр провозгласил начало. Служки или дружки – их было четверо высоких молодых парней – подошли к широкой входной двери и на вытянутых вверх руках развернули белое полотно, оно закрыло двери полностью. В середине этого полотна было вырезано большое сердце, то есть, чтобы понятнее: в ткани образовалась огромная дыра в виде сердца. Вот сквозь это сердце и вышли к нам жених и невеста!.. Сначала они показали в эту сердечную прорезь свои счастливые улыбающиеся лица, а потом уже и сами полностью образовались в зале, нежно держась за руки. Фотографы забегали, защёлкали аппаратами: щёлк! щёлк! щёлк! Аппараты работали беззвучно, вспышки, вспышки, вспышки, словно бы мы находились на кинофестивале в Каннах.

Жених был в сером костюме с красной бутоньеркой, невеста – в роскошном красном платье. Они прошли в центр и сели в кресла. Мэр сказал короткий, очень короткий спич, что мне чрезвычайно понравилось. И не только мне это понравилось, судя по горячим аплодисментам, которыми публика щедро наградила мэра.

Ну, так вот, всё произошло быстро: без обязательного у нас марша Мендельсона, и уже официант вынес на подносе золотое шампанское, которое, как и положено, выстрелило пробкой в потолок. Жених и невеста подняли бокалы и зачитали присутствующим всю дальнейшую программу: о, она была богата!..

Мы услышали, что сейчас в соседнем парке начнётся фотосессия. После фотосессии мы должны проехать в соседний город, в замок двенадцатого века, где нас ждёт гид, чтобы совершить с нами экскурсию. Мы пройдем с экс-

курсией по древнему замку и выйдем на открытую террасу, там-то и начнётся непосредственно само празднество.

По лепесткам бордовых роз и щедро рассыпанному рису, которыми забросали жениха и невесту по выходе из зала, мы толпою прошли сквозь сердечную прорезь и, выйдя на улицу, разошлись по своим машинам, до парка надо было также доехать на машине. Кавалькада машин, нещадно сигналив на все лады, отъехала.

Парк был необыкновенно красивый, просто сказочный, весь в живописных клумбах, пальмах, невдалеке виднелся маленький шато-дворец – всё радовал глаз!.. Мы пошли к пруду с лебедями, где уже располагались гости. Идти по зелёной траве в туфлях на высоких каблуках было куда как неудобно, но ничего не поделаешь, традиция.

Белоснежные лебеди, причудливо выгнув свои длинные шеи, медленно подплыли и наблюдали.

– Они не боятся? – тихонько спросила я.

– Привыкли, – со знанием дела ответил кто-то за моей спиной.

Тамада или распорядитель, не знаю, как точнее назвать человека с большим списком в руках, громко выкликал имена тех, кто должен был выйти на фотосессию. Выходили мамы и папы, потом братья и сёстры, кузины и кузены, дяди и тётки, бабушки и дедушки, друзья, коллеги, однокурсники, подруги невесты, сторона жениха, потом сторона невесты, потом обе стороны вместе и ещё, и ещё...

Наверно, больше двух часов прошло. Роже стоял в сторонке, задумчиво смотрел на воду, чуть наклонённая к плечу голова, и вдруг я увидела: он совсем поседел... Сколько же ему лет?.. Клэр была его поздним ребёнком, заключила я. Обожаемый ребёнок, огненные волосы – в папу, и вот уже замуж выходит маленькая Клэр... Уж замуж невтерпёж...

Свадебная фотосессия продолжалась, на солнышке все разомлели, уютно расположились на лужайке, вся лужайка стала разноцветной. Она была занята тесно сидящими гостями, некоторые мужчины вальяжно возлежали на мягкой травке. Дамы в длинных платьях садились на траву, не жалея своих шикарных платьев – устали. Дети громкими криками оглашали парк, они взапуски носились по лужайке. Детей было очень много самых разных возрастов. Самому младшему ребенку была неделя от роду... Малюсенький, ещё весь красный, он лежал на маминой груди, как кенгурёнок, в специальной сумке для грудничков. Мама с гордостью показывала ребенка всем желающим, и они его (о ужас!) трогали и даже целовали. Они не боятся показывать недельных детишек, не то, что у нас, у нас совсем другие обычаи... А тут ребёнок всего ничего, как появился на свет, и айда гулять на свадьбу!..

Роже подошёл ко мне. Он на самом деле поседел, всё та же пышная шевелюра, но - почти вся белая. Пожал мне руки. Так здорово после долгой разлуки увидеть друга. С Роже, видимо, происходило что-то похожее, потому что он сказал: «Скучаю по Байкалу... Ты представить себе не можешь, вот я здесь,

это моя страна, и я много где побывал... но, слушай, самое лучшее воспоминание моей жизни – это Байкал».

– Спасибо! – выдохнула я. – Тебя все вспоминают.

Объявили общее фото, все долго-долго поднимались – фотограф еле собрал всю нашу громадную, иначе не скажешь, компанию. Уфф, съёмки завершились. Толпа двинулась к выходу, где были припаркованы машины. Продолжение следовало...

– Едем в замок! Следуйте за мной! – прокричал тамада, лихо промчавшись мимо нас на мотоцикле. И так быстро умчался, ну просто вихрем пролетел, и его след простыл. Куда улетел?.. Мимо нас медленно выезжали машины, мы заторопились за свадебной кавалькадой. Проехали через мост, старый – камни поросли мхом, замшелые зелёные камни были на этом мосту. И замок средневековый показался. Каменный мост, оказывается, делил город на старый и новый. Перед нами открылся чудесный вид на замок, который возвышался над рекой. Старый исторический город с королевским замком приглашал нас в своё царство.

Мы, как говорится, спешились... Через кованые ворота с гербом и двумя каменными львами наверху вошли во внутренний двор. Нас уже встречал пожилой гид, который, как мы позже узнали, живёт в этом замке, то ли восстанавливает, ухаживает, то ли просто охраняет, а заодно и экскурсии проводит. За ним в ряд выстроились официанты в белых перчатках с подносами в руках. Далее всё, как в кино. Официанты разносят гостям на подносах бокалы с шампанским. Картинка совсем киношная: официант в белом почтительно склоняет перед тобой голову, протягивает поднос с бокалами, батюшки, батюшки... Мы чинно разобрали шампанское и так с бокалами в руках медленно двинулись за гидом на экскурсию по замку.

Через арочную галерею мы попали в холл, большую комнату с каминами и старинной мебелью, или, может быть, это была парадная комната. Было немного таинственно. Везде сохранена обстановка прошлых веков. Мы любовались кабинетами, столовой, кухней с огромным вертелом. При этом официанты не оставляли нас, они неслышно подкрадывались и доливали нам в бокалы шампанское, которое искрилось, пускало пузырьки и естественным образом поднимало нам настроение.

Мы прошли через залы с коллекциями живописи, посуды, гобеленами и коврами. В спальнях будто ещё витали ароматы аристократических особ, которые когда-то жили здесь. Вот мы вошли в большую залу, где в нишах по бокам стояли античные скульптуры, рыцари в шлемах и железных доспехах.

– Этот зал использовался для балов, – сказал гид. – Зажигали сотни свечей... Вечером вы увидите представление свечей... Здесь будут танцы...

В дальнем углу зала обустроивалась группа музыкантов. Веселье обещалось, да. Гид вывел нас на открытую террасу, и, боже, какой завораживающий вид на долину открылся!.. Мы, как те японцы, которые приезжают к Фудзияме

– любоваться, застыли восхищённо. Говорят, любованье очень полезно для здоровья... Мы любовались...

Я оглянулась. По всей террасе были расставлены круглые столы, покрытые белоснежными скатертями, стулья обтянуты белыми чехлами с огромными бантами на спинках. На каждом столе в центре букет цветов, и как найти, где ты сядешь, за какой стол? Ларчик открывался просто: на входе перед террасой вывешены списки гостей, напротив каждого имени – цветок. Ты запомнишь цветы и находишь стол, за которым будешь сидеть. Букет этих цветов на столе, рядом меню, отпечатанное в книжке, а по всему периметру стола – сверкающие перламутром раковинки, и ты ещё должен найти воткнутую в раковину карточку с твоим именем. Я не удержалась и сунула в карман свою перламутровую раковинку на память. А заодно забрала и красивое меню – тоже на память.

Меню, да, было отменное. А вот что для меня было по-настоящему удивительно, это то, что речей они тут совсем не говорят. Как не вспомнить наши традиционные свадьбы, когда очередь гостей буквально осаждает тамаду, а речи поздравительные длятся часами... Вспомнился смешной случай – жених и невеста, принимая подарки и слушая приветствия, простояли на ногах почти два часа без перерыва, и вдруг жених вскричал: "Дорогие гости! Простите меня, но я уже больше не могу!.. разрешите мне в туалет!..", и под общий смех помчался по своей надобности...

А здесь нет, речей никто не говорит вообще. Наверно, потому, что все подарки уже подарены. У них так. Молодожёны заранее (сами!) выбирают подарки, которые хотят получить. Затем список подарков с указанием магазинов, где можно их приобрести, рассылается всем приглашённым. Всё остальное – дело гостей, они покупают названные подарки в названных местах и доставляют по адресу молодожёнов.

Веселье длилось до глубокой ночи, и гости заканчивали празднество под обещанные многочисленные зажжённые свечи: танцы в средневековом замке – дамы в длинных платьях весело отплясывали современный фокстрот среди железных рыцарей в доспехах...

Роже позвонил нам через неделю, он почти кричал от возбуждения: «Приходите скорей!.. Наши приехали с визитом!». Меня тронуло его «Наши приехали»... Мы с дочкой поехали к Роже. Он жил в районе Марэ, недалеко от собора Нотр Дам, который считается «сердцем Парижа». Здесь, на острове посреди Сены, больше тысячи лет назад начинался Париж, узкие средневековые улочки... Мы шли пешком по этим ужайшим улочкам, свернули на улицу, название которой не могло не позабавить. Вы спросите, как она называлась? «Улица плохих мальчиков», вот как!.. Они и находились тут в великом множестве, эти самые «плохие мальчики» – красивые, ухоженные, при макияже и маникюре, они сидели в своих кафе, оживлённо болтая между собой и весело рассматривая проходящих мимо людей. Сердце Парижа.

Мы шли по старинным улочкам и забавлялись. Ну, сами посудите: "Улица Кошки, которая удит рыбу", или "Улица Дамы в белом манто", или ещё лучше: "Улица влюблённого господина", да та же "Улица плохих мальчиков" – мы шли и забавлялись.

Роже жил рядом с главной мэрией Парижа, я загляделась на мэрию - шедевр архитектурного искусства... – "Пойдём-пойдём", – торопила меня дочка, а я просто не могла оторвать глаз от этого красивейшего здания, на самом деле: главная мэрия – одно из великолепнейших творений Парижа.

Мы позвонили в дверь, Роже спустился вниз встретить нас. Белый лифт, красный ковёр на винтовой лестнице. В квартире царство книг, стен совсем не видно из-за книжных стеллажей. На полках сувениры – бразильские, румынские, испанские, русские матрёшки, арабские куклы – сувениры со всего мира. Длинный через всю залу стол человек так на тридцать. Два широченных дивана в арабском стиле, между ними лампа-абажур в человеческий рост. Везде расставлены крупные деревянные вазы. В доме уже находились друзья Роже, человек семь французов, плюс "наши" – делегация бурятских учёных.

Роже был взволнован, возбуждён, первый приём... Он говорил: «Я счастлив, что получил от жизни шанс разделить три года своей жизни с народом Бурятии. Я очарован всем, что видел... Вы так не похожи на нас, французов... у вас люди спокойные, медлительные... Я мечтаю приехать снова к вам. Мечтаю и хотел бы ещё что-то сделать для Бурятии...». Мне эти его слова показались ненатуральными, неким реверансом, и только потом, через годы я пойму, что Роже был совершенно искренен... Позже в доме Роже бывали многие наши земляки: от председателя правительства и наших министров, артистов, художников до простых туристов – Роже всегда с удовольствием встречал "наших".

Я в тот вечер разговорилась с семейной парой французов – оба преподаватели университета. Они закидывали вопросами, я рассказывала о нашем народе, традициях. Слушали с неослабным интересом, но я чувствовала, что всё это для них чистая экзотика...

Глубокой ночью – в три часа ночи – мы шумной компанией вышли от Роже. На улице Риволи была пробка... Наши несказанно удивились: «Вот это да! Пробка в три часа ночи!...». Это Париж. Мы шли между тесно стоящих машин, и я сказала дочке: «Слушай, эти французы ничего не знают о нас»...

– Ну и что? – сказала дочка. – Мы тоже многого не знаем о них...

– Но они вообще ничего не знают! Ничего! им надо рассказывать о нас! – горячо заявила я. – Кто же будет французам рассказывать о бурятах, если не мы сами, буряты?.. Надо им не только рассказывать, но и показывать наше искусство, артистов привозить сюда...

Она остановилась и заинтересованно посмотрела на меня: «А что... рас-та!... неплохая идея». Вот так ночью, среди пробок на улице Риволи в самом центре Парижа родилась идея нашего фестиваля бурятской культуры.

А дальше... дальше мы начали фестиваль... И была работа, которая длится вот уже пятнадцать лет, и сколько всего: и доброго, и печального, и смешного, и трудного, и забавного, и грустного мы пережили за эти годы!..

Помню, для первого случая решили пригласить артистов нашего театра танца «Байкал», с которыми Роже тоже был знаком, бывал на их концертах. О, как воодушевился наш француз... Он позвонил мне: «Приходи срочно», я пришла. Роже встречает меня внизу, в... бурятском национальном костюме! Роскошный атласный, до самого пола. Я едва не падаю от неожиданности.

– О, господи!.. Где ты его взял, Роже?

– Ну, как же-с, как же-с... я ж в Бурятии жил... – он довольно улыбался...

– Ну, что... классно выглядишь, – оставалось сказать мне. – Вот так и будешь артистов встречать...

И он, действительно, так и встречал артистов. Надо было видеть, с какой тщательностью Роже готовился, надевал этот костюм, и так и сяк поворачиваясь и внимательно оглядывая себя перед большим зеркалом... Меня он смешил всякий раз, и всякий раз я напевала популярную песенку: "Главное, чтобы костюмчик сидел!..". А он продолжал, нисколько не обращая внимания на шуточки, аккуратно подпоясывался, завязывал широкий шёлковый кушак, важно выходил из дома и гордо дефилировал в костюме по улицам Парижа, так же гордо поглядывая с высоты своего роста на всех зевак... Роже был по жизни высоким, всегда на голову выше, но была в нём еще другая, внутренняя высота, которая особо выделяла его из всех, возвышала его над толпой.

Он важно вышагивал впереди меня, и я видела, что ему действительно на самом деле всё нравится: и он сам в бурятском одеянии, и любопытные заинтересованные взгляды прохожих, и вообще тот факт, что мы делаем фестиваль... С какой гордостью он выходил на сцену и представлял артистов!.. Роже стал постоянным ведущим всех наших концертов, никогда он не пропустил ни одного приезда бурятских артистов, а они приезжали каждый год. Все фестивали, все пятнадцать лет он провел с нами, наш верный друг Роже!..

А как сердечно принимал он наших артистов у себя дома... Артистам было хорошо здесь. Слова: "Чувствуйте себя, как дома..." не противоречили делу, мы на самом деле у него дома чувствовали себя – дома. Артисты разбредались по его просторной квартире, на кухне стряпали, готовили блюда, а потом начинался праздник. Сколько красивых песен мы спели вместе в его гостеприимном доме!.. Роже повторял: «Я счастлив, что могу делать что-то...». В последние годы мы неизменно вместе отмечали его дни рождения, так удачно совпадало, что артисты приезжали, и в день его рождения они – здесь... Это было здорово. Мы устраивали ему настоящий праздник души. Сколько фотографий запечатлели те счастливые моменты... Он просто млел, он весь таял, когда артисты пели для него. Однажды сказал: «Ну... эта традиция началась давно... двадцать пять лет назад... когда она, – он показал на меня, – устроила первый концерт в мою честь...». Он помнил концерт семейских на Крестовом холме!..

В начале нынешнего лета мы с моим мужем Бернаром собирались уезжать на Байкал.

– Давай перед отъездом съездим навестить Роже, – предложила я Бернару. Бернар сразу согласился, мы знали, что Роже заболел. Мы приехали к нему вечером. На мои вопросы Роже замахал на меня руками: «Да ладно тебе, не беспокойся, ничего серьёзного, ничего серьёзного...».

Ему было трудно сидеть, он большой горой возлежал на диване. Но, как всегда, шутил. Ничто не мешало Роже подшучивать над собой, мы много смеялись в тот вечер. Никому и в голову не пришло, что это наша последняя встреча.

– Эх, хочу на Байкал... – говорил Роже.

– Ну, так давай, поехали... Ты там выздоровеешь сразу... Озеро шаманское, силу даёт, здоровье...

– Да знаю, знаю... Я всё мечтаю купить домик на Байкале... Куплю маленький домик на берегу, буду приезжать каждое лето...

– Вот это идея здоровая, здорово!.. И, правда, на Байкал надо ездить каждый год. Будешь ездить туда, поправишься...

– Вы там давайте-ка присматривайте домик для меня... Следующим летом вместе поедем, организуемся там...

Роже умер в августе. Мы всё ещё находились на Байкале. Помню, в один из дней у моего Бернара почему-то остановились часы... Бернар встряхивал часы, подносил к уху, снова встряхивал: «Что ж случилось?»..

Случилось. Вернувшись в Париж, мы узнали: умер Роже. Наш дорогой друг Роже Пуликен умер.

Сентябрь, 2014.

Поездка

Справа возвышалась красавица башня, сверкала свежавыкрашенными своими кружевными боками, слева доносился мощный гул знаменитого фонтана Трокадеро. Лина стояла как раз посередке, на мосту через Сену. Толпою шли индусы в невообразимо высоких на голове чалмах, в атласных кимоно японки, африканцы в пёстрых одеяниях до пят, лица - чёрные, белые, жёлтые - весь мир, кажется, был здесь. Внизу проплывали по реке белые пароходы-«батомушки», как их ласково называют. Играла музыка, издали доносилась с весёлых этих пароходиков... Палубы были плотно заполнены разноцветно одетыми туристами, они дружно крутили головами, как дети: направо-налево. Сами палубы густого оранжевого цвета придавали яркую солнечность и самому пароходу, и всему вокруг, хотя на самом деле солнца не было. Но это только на небе было пасмурно, а в жизни-то совсем наоборот. Лина помахала с моста пароходу, и сразу в ответ взметнулись руки, множество рук ответило ей радостно – люди счастливы в Париже...

Лина только второй день, как приехала... – Ты в Париже!.. – звенела, пела, ликовала душа. Она задержалась на мосту, уходить не хотелось. Смотрела на

башню, на Сену и думала о Таньке, которая уж сорок лет живет здесь, к которой завтра Лина поедет в гости...

С Танькой учились вместе в университете и жили вместе в общежитии. Пять лет. Дружба случилась с первого дня. Она до сих пор помнит, как вошла в комнату и встретила спокойный взгляд этой синеглазой девочки, которая смотрела на неё сверху. Сверху, не из гордости-гордыни, а с высоты, такая высокая была. И сразу так сильно притянуло их друг к другу, души родственные, что ли... Разные такие: одна черненькая, другая светлая, Лина едва до плеча Таньке, аж смешно было видеть их вместе. Но только ей поверяла свои небольшие и большие тайны, только ей рассказывала о том, что на душе. Тихонько шептались по ночам, чтоб не разбудить девчонок, и всё-всё знали друг про друга... А уж когда сама Танька влюбилась, и закрутилась у неё запретная с иностранцем любовь, они и вовсе перестали спать по ночам. Лина, раскрыв глаза и уши, слушала Танины взхлёб рассказы о любимом: высоком черно-волосом французе, старшекурснике с исторического факультета. Любопытно было узнавать, какие они, как воспринимают жизнь в чужой стране, как думают, что говорят... Здесь, в университете, студенты-иностранцы для Лины тайна великая была, никогда не разговаривала ни с кем из них, тем более, близко не сталкивалась, и так интересно было слушать про «это»...

Потом Таньку таскали в КГБ, любовь с иностранцем приравнивалась в то время к предательству родины, запретное это дело было. Совсем юную девочку держали там целыми днями, пугали-запугивали её страшными карами, возвращалась она к вечеру похудевшая, бледная, вся измотанная... Лина помнит, как они переживали, страшно: что может сделать с Танькой КГБ... А на последнем курсе Серж решил жениться, смелый оказался парень, не испугало его никакое КГБ и кары ихние. Они с Таней расписались тайно, и это отдельный рассказ, с какими предосторожностями, прячась от всех, уезжали они в ярославскую деревню: в Москве чревато было, и там расписала их Танькина тётка, которая в загсе местном работала, взяла на себя почти погибельную ответственность за судьбу Танину. Неизвестно, как её-то личная судьба сложилась дальше, прознало ли вездесущее КГБ, какой «страшный» грех на душу приняла, и какое возмездие потом для неё выдуманно было.

Когда они вернулись в Москву, Таньку, уже замужнюю женщину, снова таскали в КГБ, не хотели выпускать из страны. А всё равно уехала, подписала все бумаги, отказавшись от родины. Сожгла все мосты Танька, уехала со своим любимым в далёкую Францию... Было это сорок лет назад.

Ни писем, ни телеграмм, ни телефонных разговоров за эти сорок долгих лет. Ничего не знала Лина про подружку свою закадычную.

И вот, спустя столько лет, Лина в Париже. В первый же вечер сказала: «А у меня ведь подруга здесь есть».

– Какая подруга?.. Где?..

- Учились вместе в Москве. Давно... Здесь она, во Франции... Только не знаю, где... Даже не знаю, жива ли.

И тут же имена-фамилии, всё, что было известно ей про Таньку с Сержем, заложили в адресное. А Лина подумала: времени мало, всего месяц я буду здесь, не найдут ведь за это время... Нашли!.. Уже на следующий день адресное выдало: Татьяна и Серж... город Рэнн, улица, дом... даже номер телефона!

Лина дрожащей рукой набрала номер. Через мгновение, а Лине показалось – вечность, трубка ответила максимально Танькиным голосом: «Алло...».

– Таня, – осторожно сказала Лина...

– Лина!... – Танька узнала её сразу!.. Нет, не изменило время ни голоса их, не изменило, не затуманило их памяти, отношений, чувств - всё всплыло, нахлынуло, и пошли-поехали вопросы: «А ты?.. А где?.. А как?...». Потом воспоминания... Время с бешеной быстротой стало раскручиваться назад...

Уже через полчаса всё было решено: «Всё-всё, никаких возражений!.. Ты садись в поезд и едешь ко мне!..».

И вот на следующий день – уже вокзал, и билеты, и поезд. Опаздывали...

Было так. Опаздывали, бежали... – Вот твой поезд... вот твой вагон!..

Лина ничтоже сумняшеся запрыгнула в вагон, двери тут же тихо зашипели, закрылись, поезд плавно, даже не покачнувшись, тронулся.

Лина поднялась вверх, на второй этаж. Все ей было непривычно: и этот второй этаж - никогда не видела двухэтажных поездов, и тишина в вагоне, и кресла с высокой спинкой, как в самолёте. В вагоне почти никого. Это тоже было непривычно и даже странно: что они, французы, никуда не ездят, что ли? Так мало пассажиров. Или у них так много поездов? Села у окна, уютно устроилась, с удовольствием откинулась на спинку мягкого удобного кресла, приготовилась к приятному созерцанию пейзажей за окном. Над головой что-то зашелестело.

- Бонжур, месье, мадам, бурум бурум бурум бурум... – заговорило радио мужским голосом. Лина не поняла ни слова...

– Бурум бурум бурум бурум, – продолжал голос и закончил: ... Люксембург!..

Лина ахнула!.. Меня что, в Люксембург везут?.. Ошиблась поездом?.. Бог мой, что я там, в Люксембурге, буду делать?.. Там же никого нет!.. Меня же Танька ждёт совсем в другом месте!.. Так вот почему в вагоне пусто!.. Это ж заграница, Люксембург!.. Другой город, другая страна. Там же таможня, граница, проверки...

Она лихорадочно, молниеносно запустила руку в сумку: паспорт!.. билет!.. где они?.. В суматохе опаздывания так торопились-спешили, что забыли отдать билет и паспорт... Лина покрылась холодным потом.

– А я же ни одного слова по-люксембургски, или на каком языке они там говорят!.. Да я и по-французски-то ни одного слова не понимаю... Меня ж высадят на первой же станции... Что я буду там делать?.. Куда пойду?.. К кому?.. А если полиция?.. Я без документов!.. Меня посадят?!.. Боже, что делать?.. что делать?..

Лина в панике металась... Даже обратиться не к кому, пусто!.. Правда, вдалеке, в самом конце вагона, сидел одиноко пожилой мужчина. Он обратил, да, обратил внимание на мечущуюся Лину, посмотрел вопросительно. Поднял брови, сделал вопросительное выражение лица, однако остался на месте.

– Дяденька, – начала Лина жалобно, потом спохватилась: какой он тебе дяденька?.. Ты же не в России... А как они обращаются к дяденькам, господин?.. Господи, дай памяти, как же они своих мужиков называют?.. Почему-то уже произнесённое диктором «месье» никак не всплывало в памяти Лины, она просто задрожала, представив, как дюжий полисмен в Люксембурге, заломив ей руку за спину, ведёт её в люксембургскую тюрьму... А она даже не знает, как можно к нему обратиться...

– И никто не узнает, – с ужасом, заползающим в душу, подумала Лина и чуть не заплакала в голос. Ну да, хорошенькая перспектива: первый раз приехать в столь вождеденную Францию и тут же загреметь в тюрьму!.. А, главное, действительно, никто не узнает!.. Как она будет объясняться с тюремщиками, она же не знает люксембургского языка!..

Мужчина посидел чуточку с вопросительным лицом, потом снова уткнулся в свой журнал.

Таак... ему по фигу, что с людьми делается... вот он, капитализм... звериный оскал империализма... всё, как и предупреждали... Так... Лина, спокуха... Давай поразмысли спокойно... Будет намного лучше, если ты сама придёшь в полицию. Ой, легко сказать: придёшь сама в полицию. Что скажу?.. Да так и скажешь: я пришла сдаваться! У меня нет паспорта, нет билета, я ехала... Стоп, а можно ли говорить, куда я ехала, их же, Таньку с Сержем, потом за-таскают... они будут тебе «благодарны» по гроб жизни... Нет, их подставлять нельзя!..

Ой, да ладно, придёт контролёр, я ему во всё признаюсь и всё!.. А он скажет: «Платите штраф!..». Хватит ли у меня денег?.. денег-то жалко... И так их кот наплакал... Интересно, какие у них штрафы?.. большие, наверно... Целый год копила, ёлки... чтоб вот так отдать неизвестно кому?.. А ни черта! Никакого штрафа платить не буду!.. Надо сказать: нету у меня денег... Все равно одна дорога – в тюрьму... вот ужас-то!.. Во влипла!.. Вот тебе поездка за границу!.. И зачем только поехала в эту проклятую Францию?.. Зачем вообще Таньке позвонила?.. На беду свою... Вот только одного тебе не доставало для полного счастья – жизнь свою в тюрьме закончить!.. – сокрушённо заключила она. – А-а, вот что! надо самой выпрыгнуть на первой же станции!.. Да нет, не надо... Что будешь там делать, в незнакомом городе?.. Лучше уж до Люксембурга, все равно с полицией объясняться... Боже, как неохота в тюрьму!..

Тут открылась дверь, и вошли, оживлённо о чем-то переговариваясь, контролёры. Их было трое, двое мужчин и женщина, все в тёмно-синей форме, все при галстуках. Лина сжалась, зажмурилась от страха: вот она, пришла расплата!.. Когда она открыла глаза, контролёры уже прошли мимо, дверь за ними закрылась. Лина зачарованно смотрела на закрывшуюся дверь. Вот это

да!.. У них контролёры даже не проверяют билеты!.. Как это?.. Такое может быть?.. Лина до такой степени удивилась, что в каком-то трансе, без всяких мыслей, просидела с полчаса... Потом опять лихорадочно: «Что делать? Что делать?..».

За окном проплывали, то есть пролетали со скоростью триста километров в час неестественно зелёные пейзажи, сказочно красивые, словно игрушечные домики, от которых раньше она приходила в восторг, она раньше от всего приходила в восторг, теперь же ничто не радовало глаз...

– Надо смириться, – сказала себе Лина. – Значит, тебе судьба такая: приехать во Францию и сесть в тюрьму... и даже не во французскую, а вовсе в люксембургскую... Такие вот пироги... От тюрьмы да от сумы, как говорят...

– Но нет! – снова возопила душа, – не хочу в тюрьму!.. что ж такое?.. нельзя это!.. Что же делать?.. Что делать-то, а?..

В это время над головой снова зашелестело, включилось радио, и тот же мужской голос начал: «Мадам, месье, бурум бурум бурум бурум...». Лина подняла голову к радио и даже встала с места, сдвинув брови, сурово смотрела на радио, напряжённо всматривалась в него, но это не помогло, всё равно ничего не поняла...

Ужас заполнил её всю... Поезд плавно затормозил и остановился. Двери вагона бесшумно открылись, и... в вагон вбежала, влетела Танька!.. Лина посмотрела на неё так, будто та, по меньшей мере, с Марса явилась... Танька обрушилась на неё, затормошила весело, говорила что-то сумбурное, обнимала, смеялась и плакала, Лина, ошеломлённая, молчала...

Потом сказала: «Танька, а ты растолстела... ты даже толще, чем я...».

«Мне тринадцать лет...»

Лина спустилась вниз по улочке, горбатенькой, узенькой, и вышла на площадь Малакофф. Никто не мог ей объяснить, почему этот маленький пригород Парижа, сам городок, и даже отель, театр, стадион, библиотека, школа, ресторан – всё, ну абсолютно всё, называется этим именем. И она себе придумала историю: когда-то, сто лет назад, поселился на парижской окраине русский человек по фамилии Малахов и построил себе виллу. Лина видела этот дом, на нём так и написано: «Вилла Малакофф», он старенький и совсем небольшой в сравнении с соседними. А в течение века понастроили вокруг всего остального и назвали его именем всё, даже и городскую площадь и сам город... с двумя «ф» на французский манер: Малакофф. Так выдумала.

Она присела на скамеечку перед театром Малакофф и стала любоваться фонтаном. Он был необыкновенный, то есть на самом деле ничего в нём такого не было, зато в трубах был заложен секретик: вода из них вылетала с разной скоростью, образовывая неожиданные узоры в воздухе! То квадратики, то круги, а то они переплетались причудливо, и было невероятно интересно, она часами просиживала там, всякий раз ожидая новых узоров. Любование полезно, читала где-то Лина, – будто бы продлевает жизнь. Неслучайно японцы

придают большое значение самому процессу любования. Французы, видимо, тоже.

Лина встала и пошла к базару. Там в отделе «рыба» молодой продавец, совсем почти мальчик, работал виртуозно, как бог! Он легко подхватывал огромную рыбину, бросал её на весы, тут же левой рукой подхватывал снова, в правой руке у него уже ножницы, в одно мгновение он отрезает плавники, хвост, очищает от чешуи и внутренностей, вытирает полотенцем, и – бэмс! – рыба закинута в пакет!.. Он элегантно протягивает пакет покупателю – улыбка! Получает деньги и с той же улыбкой – «мерси!» Какое-то время наблюдала за ним, потом не удержалась, сказала: «Красиво работаете», и, несмотря на то, что сказала по-русски, а он, чистойшей воды француз, ничего не понял, всё равно ответил ей своей чарующей улыбкой и, конечно, – «мерси!»

Она решила пройти до стадиона, повернула за угол, прошла несколько шагов и... боже! - невольно остановилась, поражённая. В магазинной витрине шла своя жизнь: куклы жили здесь. Самых разных размеров: большие, маленькие, средние и совсем малюсенькие, все по-разному одетые, в шляпах и шляпочках, шубах и полушубочках, а какие роскошные платья надеты были на них!.. Они гуляли, сидели в разных позах, кто на диване, кто в креслах, кто-то стоял под старинным фонарём с розой в руке, явно ожидая свиданья! Кто-то с чемоданом спешил на вокзал, кто-то ехал на велосипеде, бабушка в чепце и очках на носу вязала носки, рядом играли с котёнком дети, мужчина ехал в открытой машине, другой стоял на коленях перед дамой в огромной шляпе.

Лина долго разглядывала витрину, наконец, решила войти в магазин. Она не очень любила заходить в магазины, и по очень смешной причине. Они её пугали, французские продавцы. Как только входила, продавец тут же подбегал: «Чем помочь, мадам?».

– Нет-нет, я только посмотреть, – отвечала Лина, на что получала радостный ответ: «О, да, пожалуйста», однако после этого продавец оставался рядом, и Лина всякий раз вздрагивала, когда он внезапно выныривал из-за плеча. Она понимала, что так у них принято на случай, если он вдруг понадобится, но они мешали ей, продавцы. То ли дело наши, думала Лина, их не видно, не слышно, не дозовёшься даже, когда и нужно.

Она вошла в магазин. В глубине сидела женщина и, низко наклонившись, что-то шила, но тотчас поднялась со стула:

– Вам помочь, мадам? – задала она их вечный вопрос.

– Нет, я только посмотреть, – ответствовала Лина выученной наизусть фразой.

– Пожалуйста, – улыбнулась продавщица, но не села, нет, осталась рядом. Она стоя продолжила шить маленькую шляпку для куклы, изредка поглядывая на Лину. Некрасивая, нос длинноват, и рот слишком большой. Чем-то похожа на Анну Маньяни, итальянскую актрису, Лина видела её в фильме «Волчица».

Каких только кукол тут не было!.. И европейки, и негритянки, и азиатки, все их платья и костюмы со всей скрупулёзностью повторяли настоящие, ну, про-

сто дух захватывало! Платья, отделанные кружевами и лентами, бантами и бантиками, рюшами и оборками, из девятнадцатого, семнадцатого веков, а причёски кукол как изящно были исполнены!.. Куклы-персонажи из сказок: старички, бабушки, девочки в голландских нарядах из сказок Андерсена... Их было очень много, глаза разбегались, хотелось всех внимательно рассмотреть, на это требовалось время, а с этим у Лины как раз было в порядке. Не спеша, стала разглядывать всё это великолепие. Особое удовольствие, да просто восхищение вызвали детали и детали, выполненные с такой тонкостью и тщательностью, что она не выдержала: «Ох, как красиво...». Продавщица обрадовалась! Она не поняла, что сказала Лина, однако с готовностью начала ей рассказывать, что-то увлечённо объясняла, беря то одну, то другую куклу и надевая на них по очереди свою недошитую шляпку. Говорила она азартно, быстро, Лина попыталась было остановить её: типа, не понимаю, но музыкой звучала французская речь! И сама продавщица вдруг преобразилась, когда заговорила о своём любимом деле, лицо её стало таким одухотворённым, красивым при своей природной некрасивости. Лина больше её не останавливала, пусть себе говорит. Вдруг явственно промелькнуло в речи: «итальянн».

– Итальянка? – живо переспросила Лина, та радостно закивала головой: «уи, уи...» и заговорила ещё быстрее.

А Лине, обрадованной, что она не ошиблась, с самого начала приняв продавщицу за итальянку, вдруг очень захотелось поговорить с ней, и Лина судорожно начала копаться в скудных своих знаниях французского.

В голове закрутился школьный текст: «Моя родина СССР...», а Лине хотелось, ей хотелось сказать другое, что она знает итальянцев. И любит... Хотя только Анну Маньяни и знала, да ещё Софи Лорен. Ах да, Марчелло Матрони! он тоже итальянец...

– Ладно, – сказала она себе, – сегодня интеллектуальных разговоров не получится. Давай вспоминай.

Но в памяти всплывали тексты: «Моя семья», «Моя школа» и опять про родину СССР. Все не то.

– Мне тринадцать лет, – она робко произнесла эту фразу, жутко стесняясь собственного произношения.

Продавщица осеклась на полуслове. Лицо её изумленно вытянулось. Но Лина настырно повторила свое филологическое достижение: «Мне тринадцать лет!..». И уже громче добавила: «Я учусь в пятом классе».

Итальянка молчала. Лина, воспользовавшись её замешательством, осмелела и продолжила: «Я иду в кино... Я рисую картину... Наша школа большая и красивая».

Итальянка молча смотрела на Лину, то ли потрясённая полученной информацией, то ли не понимая, почему беседа вдруг приняла такой неожиданный разворот.

– Я пою песню, – сообщила Лина, потом вспомнив ещё одну фразу, сказала совсем громко: «Он смотрит в окно...».

Продавщица вдруг улыбнулась. Понравилась, наверно, полученная информация. Лёд тронулся!..

– Один, два, три, четыре!.. – сказала Лина радостно. Итальянка засмеялась и продолжила: «Пять, шесть, семь...», потом подождала секунду и, широко раскрывая глаза, прошептала, как бы подсказывая: «Восемь...».

– Девять, десять! – весело закричала Лина... Лину понесло...

– Я сижу у окна. Мы пересекаем улицу. Я иду в школу. Мой брат работает на заводе... (Хотя в жизни у неё не было никакого брата!).

Так они разговаривали долго. Они понимали друг друга. То есть, конечно, Лина не понимала ни слова, зато была уверена, что продавщица её понимает, да так оно и было на самом деле. Лина сообщила продавщице, что озеро Байкал – это самое чистое и самое глубокое озеро в мире. Байкал находится в Сибири. Продавщица ахала. Она никогда не была там. Зато знала и показала Лине жестами и гримасой: в Сибири холодно!.. Лина согласилась, да, холодно, она даже и сама поёжилась при воспоминании. Но всё равно пригласила её к себе в гости.

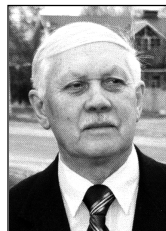
Потом итальянка о чём-то тоже рассказывала Лине, широко и плавно разводя руками. Наверное, про свою тёплую Италию. Лина радостно кивала головой. Исчерпав все тематические школьные тексты, она, впервые поговорив по-французски, чрезвычайно счастливая вышла из магазина.

Так познакомились они и дружат до сих пор. Анабелле, хозяйка кукольного магазина, побывала уже в далёкой России и увидела своими глазами самое чистое, самое глубокое и самое прекрасное в мире озеро Байкал.

– «Мне тринадцать лет», – говорит иногда Анабелле, и обе заливаются весёлым смехом.

Невыдуманные рассказы

Геннадий Леликов,
писатель, поэт, публицист
Кубань, ст. Архангельская

Об авторе

Геннадий Алексеевич родился на берегу Байкала в селе Кабанск 21 августа 1941. В Гремячинске Геннадий учился в восьмилетней школе, а летом работал в рыбпункте. Десять классов окончил в Турунтаевской средней школе в 1960. После школы Геннадий Алексеевич сразу пришёл в Гремячинскую школу – учителем, одновременно был пионерским вожатым. С 1962 по 1965 служил на Тихоокеанском флоте. Там родились его знаменитые песни «Котокель», «Байкал» и другие. В 1965 возвращается в Гремячинск, на прежнее место работы. В 1966 году Геннадия Алексеевича направляют в командировку в пионерлагерь «Орлёнок» в Туапсе. После работы в лагере он вновь возвращается в Гремячинскую школу.

В 1966 Геннадий Алексеевич поступил в пединститут г. Улан-Удэ на заочное отделение историко-филологического факультета, специальность русский язык и литература, и окончил его в 1971. После окончания института он работает с 1971 по 1973 учителем русского языка и литературы. В 1969 Геннадий Алексеевич женился на Валентине Михайловне, она родом с Кубани. После рождения сына, по семейным обстоятельствам, они уезжают на Кубань. Семья, работа, дети, строительство дома не давали поэту возможности вплотную заняться литературой, но всё же время от времени стихи и рассказы появлялись в газетах. Лишь выйдя на пенсию, смог полностью посвятить себя творчеству.

Геннадий Алексеевич часто приезжает в Гремячинск, в село, которое считает своей малой родиной. Встречается с земляками. Все в селе его уважают и ждут. Геннадий Алексеевич – автор около сотни книг, большинство которых посвящены Прибайкалью и Гремячинску, родному Байкалу.

Александр Козин.

«Не забуду мать родную»

– Никудышный ты у меня, Кешка. Учиться не хошь, трудиться не хошь, не то, что Захар, - пилила мать старшего. Он вить уже догнал тебя. Ты должен в семом классе быть, а не в шестом. Гляди, как Захар учицца. От учителей нет нареканий, а за тебя одно: «Клавдия Архиповна вызывает вас в школу по поводу поведения сына!» Чуть не каждый день шастаю в школу. Будь неладна ента школа! Хошь бы девятый кончил да в ФЗУ.

И правда. На какие только собрания её не приглашали; и с каждого брела к себе униженная и измочаленная.

– И в каю он такой никудышный? – шептал внутренний голос матери. – Был бы жив отец, можа, не так горестно на душе было. Лежит, полёживат, а я мыкайся. Куды я с ими одна? Ишо ладно, Захар мне помочь. А Кешку чем вразумишь? Иде взять время? С утра – в поле. Вечером – стирка, да худоба. У Кешки одне гулюшки на уме да шкода.

– Мам! А где Кешка? – прервал её раздумья Захар. – Завтра с классом идём в поход, надо собраться.

– Та хто ж его знайт, где леший водит! Напои-ка телёночка, да куркам дай, я поросятам отрубей заварю.

– Да я, мам, всё сделаю. У тебя других дел много, занимайся ими.

– Что есть-то с собой возьмёте?

– Сала. Огурчиков, хлеба, чего ещё-то?

– Нешто мы беднее других. Лови курку пожирней, рубани, а я отварю.

– Сам умею: обварю кипятком, общиплю, посмолю на керосинке и сварю, трудно что ли?

– Ты у меня молодец! Всё знашь, как делать!

В конце учебного года многие классы уходят в походы, уезжают в город на экскурсии. Шестой «в» отправился к речке, это километров пять от станицы. Там хлебные поля, птичник, а за изгибом реки – колхозный сад.

День ясный, нежный, радостный. К птичнику проложена асфальтированная дорога. По правую сторону – лесопосадка, от неё ветерок доносит ароматы разнотравья. Бесконечная трескотня кузнечиков, там – «производственное совещание». На ветках лип, тутовника, жерделы – разноголосое сборище птиц – «профсоюзное собрание». Детские души прыгают от полноты жизни. Кругом великолепие, а в душе восторг!

– Куда ты помчался, как ошалелый, вернись! – в растерянных чувствах кричит учительница на Кешку, который выписывает круги по хлебному полю, что по другую сторону дороги. – Сейчас же выйди!.. Она не находила слов, чтобы выразить негодование. А те, которые приходили на ум, нельзя было произносить. Будь она один на один, не то, чтобы плюнула в него, но и отвозила чем попало, такая была в ней ярость.

– Это же хлеб! – вызволив с поля, учительница отчитывала нерадивого ученика. – Сколько колосьев загубил ты своими ботинками! Это десять – двадцать булок хлеба! И какого хлеба! Лучшего качества! О таком мечтают люди в отдалённых уголках нашей Родины! Мама твоя не на этом ли поле трудится? Если я скажу управляющему – он снимет с неё заработанные трудодни. Ты подумал о ней?

– Ишо заработает, – упёрся в землю бестолковый «бычок».

– Какой же ты непутёвый! Я напишу докладную на имя директора школы...

За день, проведённый на природе, Кешка совершил много других гадких дел: гонял вокруг птичника цыплят, просочившихся сквозь сетку. Стащил у

девочек шоколад и съел. В воде во время купания цеплял за трусы мальчишек, когда плыли наперегонки. В колхозном саду сломил большую ветку черешни с плодами, - «некогда было ягоды обобрать...»

Девятый класс Кешка заканчивал в вечерней школе. Мать устраивала его на отделение водовозом, так он умудрился заснуть в теньке, а кобыла с бочкой ушла по полю с люцерной. Колхозники не дождались воды, работая на солнцепёке, изнемогая от жары.

До призыва в армию не дотянул. Связался с «братвой». Оперативники взяли его с дружками в наркопритоне на «блатхате». Загремел он на пять лет исправительных работ. В двадцать три года вернулся из заключения исхудавшим, злым. Нахватался жаргона, хамил и матери, и брату.

– Ну чё ты, сивый, косишь на меня?.. Дай бобла на пиво.

– Шёл бы ты, Кешка, работать, хватит дурака валять, – отрезал Захар. – А как заработаешь своим горбом, тогда поступай, как знаешь. Покупай пиво, трать на развлечения, а в мою жизнь не лезь и матери не мешай. Измучил ты её. Сколько передач тебе возила, посылок отправляла, думала, поумнеешь. Ты же не просил у матери, а требовал.

– Да не слюнявь, ханыга! И заткни своё хайло! – прыгал Кешка вокруг брата.

– Рот-то мне не затыкай. Распетушился, герой, а то пёрышки пощипаю.

– Да я тя, курва... – побагровел Кешка. Он не успел поднять свой расписной кулак, как получил в скулы удар такой смачный, от которого подпрыгнул вверх, потом метра два катился по траве.

Захар стоял бледный и суровый.

За то время, пока старший тянул срок, Захар с похвальной грамотой окончил школу, получил права тракториста, три года отслужил в армии танкистом. Окреп, возмужал, занимается боксом. Рядом с Кешкой, костлявым, хилым и небритым, смотрелся солидно: круглолицый, светловолосый, на голову выше брата, хорошо сложен.

– Но ты полегче, браток, – другим тоном запел Кешка, поднимая с земли свои оголённые до плеч руки в татуировках. Что они означали, никто не знал, но он специально ходил в майке, чтобы все видели. И эта от плеча и до плеча сзади по рыжей волосяной просеке мелкими буквами дурацкая фраза: «Не забуду мать родную»...

– Отьелся на казённых армейских харчах и ну махать кулаками, – ныл Кешка.

– Если я услышу, – внушительно и резко отозвался Захар, – грубое слово, сказанное матери, то – без назиданий...

И он показал крепко сжатый кулак.

– Да понял, я понял. Не прессуй.

Прошло три месяца, а Кешка сидел на материнской шее, не думая устраиваться на работу. Не раз приходили из сельсовета, грозили привлечь к ответственности за тунеядство. Рабочих рук в колхозе не хватало. Он отбивался от

наседавшей на него власти: «Да приду я, скоро. Ждите». Плотно завтракал и исчезал до вечера. Когда являлся, то мать не могла понять, отчего такой бледный и шатающийся. Спиртным не пахло. Ужинал нехотя, наспех и падал в кровать. Спал долго. Как-то и вовсе не пришёл ни вечером, ни ночью. Мать не спала, всё выглядывала. Где-то часов в девять утра явился, радостный, с красивой сумкой. Вынул деньги. Достал из пачки и дал матери две сотни.

– Украл, поди? – нехотя взяла мать.

– Хватит здесь ошиваться, вот кенты спонсировали. Хильну на заработки на моря. Дружбаны зовут. Подхвачу красивую чувиху и заведу отпрысков.

Кинул через плечо сумку, наполненную чем-то мягким и объёмным и направился к калитке. Мать хотела попроситься, он отстранил её.

– Только соплей не надо!

Кешка успел закрыть калитку и повернуться лицом к дороге, как заметил милицейский уазик. Бросился бежать. Его догнали. Надели наручники, втолкали в машину и увезли. За ограбление магазина и нанесение телесных повреждений продавцу, повлёкших за собою смерть «по неосторожности», получил «червонец». Увезли его далеко-далеко.

А Захар женился, вырастил двух дочек. Отстроил дом. Работал трактористом. Дома его видели только поздним вечером да в зимнее время, когда в мастерских ремонтировали технику.

Мать радуется за сына. Он и по дому успевает и о матери не забывает: то забор починит, то дров нарубит. Невестка хлебов напечёт.

«Захар-то славный, а Кешка – никудышный, – рассуждает сама с собой перед сном. – И што творщица в башке у маво нерадивого? Неужели така жисть иму нравщица? Ни дитя, ни полдитя. Хошь бы кака баба ево вразумила. Каки оне разны. Захарушка-т орден получил. Ему почёт кругом. На совещания, канфыренцы приглашают. А тот горюшко моё! Всё чё-та мудрит. Но как ни мудри, совести не перемудришь!»...

И засыпает мать под тяжкие думы.

Годы, что тучи, приходят и уходят. То грозовые, то радужно-светлые. Одни растворяются, исчезая, другие выплывают, кучкуются, проливаются дождём. Так и в жизни каждого человека. Работая каждодневно без разгиба, за многие годы мать поизносилась. То радикулит схватит, то ещё какая-то болячка. Руки – жилистые костяшки, обтянутые кожей, ноют от артрита. Теперь на пенсии, но огород в семьдесят соток ещё обрабатывает сама. Привыкла трудиться. Тяпка да лопата – главные орудия труда.

«Картошка, капуста, – думает, – своя, да ишо много мелочи: синеньки, морква. А кукурузы - «полгектара», хошь ба осилить, да Захару помочь».

Всё думки, думки: «Сколько работала, а пенсия с кукиш. Трудодни, трудодни, а чё оне дали мне? Пока рученьки делают, ноженьки ходят, не помру с голоду. Не война. Не ленись тока, всё у тебя будет. Да и Захар не оставит, как немощной стану. А вот Кешка?.. Свой, а как чужой. Скоро явицца. Хошь ба

мои «смертные» не нашёл. Сумела всё-таки без ево чуть скоромчить. Всё боле думаю об нём. Пошто так?».

И вот он нарисовался.

– Кешка! Ты ли ета? – застыла мать среди двора.

Она не узнала сына. В руке сжимает серую кепку, другой придерживает бечеву, уходящую за спину к полотняному мешку. На голове реденькие рыже-бурые вздыбленные волосёнки. Густые тёмно-рыжие усы и курчавая пушистая с завитками борода.

– Чой-то от табе свово мало осталось? Худ, а голова с пуд...

– Ты, мать, не бузи. Жрать давай!

– Чичас. Особливо ничаво нету, вон борщик на плите, – суетилась мать, то ли от радости, то ли от волнения, увлекая за собой сына в хату. – Есть картошечка жарена с луком. Сам бери, хозяйнуй, я слаба стала.

– Найду. Как братуха-то?

– Дай Бог! Живёт славна. Построил хоромы, девки учутца в школе. Табе вить нада жисть налаживать, уже годы...

– «Жисть», «жисть», заладила. Вот пришёл и есть моя «жисть».

– Работу бы подыскал?

– Что работа? Кони от неё дохнут. Вон сколько дома работы. Один твой огород, конца не видно. Всё тебе мало. Харчь есть, и больше ничего не надо.

Говорил, а глаза бегали. На мать не глядел, всё по сторонам, будто вор.

– Охо-хо! – длинно вздохнула мать. – Разучивси на людей-то прямо глядеть. Глаза, словно спицы, так и колют скрось, – шепчет она, крестясь.

У сына вновь объявились «друзья». Каждый день его начинался со слова «дай». Дай на курево, дай на пиво, дай «чтоб душу отвести». А что-либо сделать по дому, в огород выйти – его нет. «Ты сама», «тебе привычно», «угробляться не стану». Пенсию матери ждал, как свою зарплату. Стоял рядом, когда приносила почтальонша. Ещё не успев расписаться, совала ему сотню, и он моментально исчезал к своим собутыльникам. Пропадал на два, самое большее на три дня. Потом грязный и голодный объявлялся и требовал.

– Мать! Дай!

Когда деньги подходили к концу, стучал по столу, бил посуду. Мать плелась в сарай и доставала «смертные».

– Всё, окаянный, вытаскал. Хоронить-то на што станешь?

– Я? — Кешка поднял рыжий лес бровей. — Захар схоронит, он у тебя умный. Да ты не скопидомничай, неси, пока не добрался до твоих схоронок.

В другой раз уставится мутными глинистыми зрачками и заорёт:

– Дай, курва!

Однажды несильно ударил мать, для острастки, наотмашь. Она успела поднять руки и защититься. Отшатнулась и уточкой заковыляла доставать оставшиеся, шепча: «Идол проклятый! На мать?.. Хошь бы Господь скорее приборал меня».

Когда до пенсии оставалось три дня, сын совсем озверел.

– Вишь, горит здесь, убыю и хату сожгу!

– Я ж тебе последние. Клянусь Матерью Божией. Всё выгреб до копейки, иде я возьму тебе?

Он схватил мать за телогрейку и начал трясти как решето.

– Господь видит, – причитала мать. – Нету-ти, здря лютуешь, здря!

А он тряс так, что голова могла вот-вот оторваться. Швырнул на пол и забегал по хате. Исчез в передней комнате, начал обшаривать каждый уголок.

– Ух, стерва! – скрежетал зубами.

Мать поняла: приходит ей конец. На четвереньках выползла за порог, по стеночке поднялась. Голова и руки тряслись. Побежала до калитки. Её вела одна мысль: только бы выбежать на улицу, там он не посмеет её тронуть, там люди. Ей казалось, что она бежит, но мать даже не шагала, скорее семенила на месте, раскачиваясь из стороны в сторону. Иссохшее морщинистое лицо, похожее на вязанную варежку, дёргалось.

«Только бы добежать!» – стучало в голове. Вот уже калитка. Одной рукой оперлась о штакетину забора, другой сдёрнула с калитки, сколоченной из четырёх планок, металлический обруч старого ведра, как в это самое время почувствовала удар страшной силы. Полина Дмитриевна стекла по штакетине на землю. Она не видела того, с какой страстной «любовью» вложился сын в удар комлем акации, заготовленной на дрова, потом, бросив тяжёлый дрын, повернулся и спокойно пошагал в сарай искать деньги.

Царевна-лягушка

– Фира Андреевна! Я к вам по рекомендации ваших родственников.

– Эт каких таких родственников?

– Не будем вдаваться в подробности. Они не хотели, чтоб я их засветил, – обворожительно улыбаясь, словно весенний рассвет, мужчина отрекомендовался одинокой и некрасивой женщине, которой было за сорок.

Она оглядела его снизу доверху. Черные плетёные туфли с лакированными носками. Темно-синий костюм в полоску, белая рубашка. Более всего впечатляла голубая парадная лётная кепка с кокардой и высоким околышком, что подтверждало принадлежность к серьёзной профессии.

Фиру Андреевну сразу же покорили его голубые глаза с лазоревым отливом. Она в них утонула и не могла выплыть. Сам-то был рыжий и кудрявый. Рыжие ей никогда не нравились, но этот!..

Он узнал, что хозяйка дома передовик. Награждена медалью «За трудовое отличие». В своём просторном доме жила одна, мужика у неё никогда не было, да и кто мог позариться на горбоносую, круглолицую, толстощёкую и нескладную. К тому же на развлечения у неё времени не хватало. С утра и до позднего вечера – на ферме. Утренняя дойка в четыре часа утра, вечерняя – в шесть часов вечера. И так изо дня в день, без выходных и праздников.

– Я лётчик, – представился мужчина, – зовут Павлом Платоновичем. Прибыл сюда на месяц в командировку. Сразу скажу, что холост. Буду ездить а аэропорт стажироваться. До города недалеко, каких-то сорок-пятьдесят минут. Ваши родственники (он ещё раз выделил это слово) посоветовали обратиться к вам, чтобы приютили на месяц, мол, одна в большом доме, комнату может уступить за хорошую плату.

– А чё ж в гостинице не остановились?

Павел Платонович на слове «гостиница» сразу же выпалил давно подготовленную фразу «нет мест».

– Ну, тогда, милости прошу, родственнички похлопотали (сама всё думала: какие-то родственники? Самохин? Двоюродный дядя. Так он на железной дороге работает, откель мог встретитца ему? Семёновна? Ево жена? Вечно из дома не вылезит. И хто бы мог быть?).

Свои сомнения Фира Андреевна выказывать постояльцу не стала. Уж больно обходительный, и сердце подсказывало: «Бери, бери, может, это твоя судьба?».

– О! – воскликнул Павел Платонович, входя по недавно выкрашенным порожкам в дом. – Какая чистота! Какой порядок! Уют!

Парным молоком разлилась радость в душе Фиры Андреевны. Приятно до боли.

– А половички-то! Вот она русская культура, русская душа! – снимая туфли и обнажая изумительную белизну носков, восхищался квартирант.

– Так я сама вязала, – суетилась Фира Андреевна, сопровождая Павла Платоновича, забегая вперед и поправляя сбившиеся круглые половички и дорожки на ярко-желтых половицах.

– Прекрасно! Золотые руки у вас! Да и сами вы – великая труженица! Всю жизнь мечтал о такой жене, да попадались неумехи, белоручки. Даже борща не могли сварить, не говоря о каких-либо изысках.

– Мойте руки. Умывальник за ширмой, – мягко предложила хозяйка. – Я как раз сварила свежего борщу. Угощу вас, как чувствовала ваш приезд.

– Славно, славно. Не откажусь.

Фира Андреевна бегала, будто к ней с того света явились родители. Стол наполнился разносолами и всем, что у неё было в холодильнике.

А в холодильнике чего только не было!

– Ну, Фира, ты даёшь! – говорила подруга Машка, когда забегала к ней мимоходом и, открывая холодильник, видела горы еды.

Фире Андреевне нравилось угощать подругу, а подруга лезла в холодильник и брала, что ей нравилось.

– Колбасы-то! Пять сортов! Фрукты! – восклицала та, – хошь на рынок выноси. И куда такие запасы, на случай войны, что ли?

– Я люблю, штобы всё в доме было, – гордилась Фира Андреевна. – Вот ты пришла и у меня голова не болит, чем угостить. Ешь чё хошь.

Машка выволакивала всё или почти всё, лишь бы много было на столе.

– Ты вот одна, а у меня как налетят мои «татаро-монголы» (это она о детях), так холодильник вмиг опустошат. Приходит мой с работы, а ему и поесть нечего, надо что-то сварганить, чтобы накормить его, заодно и ораву.

– Вот ты говоришь, что одна, – отвечала она подруге. – А легко быть одной? И кому этот дом, красота, еда? Хошь бы кто согрел, приласкал. Всё работа, работа. Каждый день одна заботушка. На коров тошно глядеть. А руки мои, смотри, – плакалась Фира Андреевна. – На работе почёт, все величают, а мне горько, хошь бы кто суды глянул (она колотнула в грудь), понять мою боль, моё одиночество никто не может. Недаром говорят, иде бес не сможет, туды бабу пошлёт. Это всё про меня. А более куда гожусь я с шестью классами-то?

Там временем Павел Платонович обозревал дом. То из одной, то другой комнаты раздавались его восхищённые возгласы: «Красота!», «Уют!», «Золотые руки!..». Фире Андреевне это льстило. Она надела новое платье. Уложила волосы. Прыснула на себя «Красной Москвой» и так вежливо:

– Проходите, Павел Платоныч, к столу. Чем богаты...

– Ого! – воскликнул Павел Платонович. – Да здесь царские угощения! В ресторане меню много скромнее!

Фира Андреевна при каждой похвале вспыхивала.

Они выпили по рюмочке. Фира Андреевна всегда пила водку, но для приличия поставила «Кагор».

– Нет, нет, – отстраняя вино, решительно заявил Павел Платонович, – по первой – только водочки.

По второй получилось то же самое, а по третьей – «по русскому обычаю».

Лётчик не уставал класть одно ласкательное слово на другое. То о яствах, приготовленных «золотыми ручками», (взглянув на эти «ручки», можно было сравнить с медвежьими). То насчёт убранства комнат, утопающих в цветах, то на «личико», такое милое, как у Моны Лизы, от которого нельзя отвести взгляда.

Щеки Фиры Андреевны после выпитого полыхали тюльпанами. От похвал и сладостных слов Фиру Андреевну трясло. В жизни она никогда не слышала столько комплиментов. И сейчас была где-то высоко-высоко. Она вскакивала, украдкой бросала взгляд в зеркало, поправляла платье, волосы, снова падала на стул, который уже оказался рядом с обаятельным мужчиной, в объятия которого была готова упасть сию минуту.

Павел Платонович не спешил. Он, казалось, смаковал. Не опережая события, вводя в раж хозяйку постепенно.

Когда выпито было больше, чем положено, и ночь развела свой цыганский колер, Фира Андреевна указала комнату Павла Платоновича. Он сначала удалился в умывальню для вечернего моциона, а Фира Андреевна перестилала ему заправленную высокую кровать, меняя совершенно чистое белье на новое.

Павел Платонович появился в комнате неожиданно в одних плавках. Выключил свет, схватил в охапку Фиру Андреевну, стал целовать. Она ждала этого сладостного мига, ждала всю жизнь. Ей оставалось только отстегнуть единственную пуговицу на юбке-плиссе.

Фира Андреевна задыхалась, она никогда не испытывала ничего подобного: вдыхала запах его тела, обцеловывала, что-то шепча. Вздрагивала, взвизгивала, билась.

Павел Платонович, будто маг-искуситель, преподносил себя изящно, не спеша, давая почувствовать каждое движение, каждое прикосновение, вдох, выдох, сопровождая словами: «любимая», «дорогая», «ненаглядная».

Когда свершилось то, что должно было, Павел Платонович отпрянул, давая отдохнуть душе и телу. Бросил женщине: «Ну, Фирочка, довольно, мне надо отоспаться, завтра с утра на службу, на аэродром».

Фире Андреевне хотелось, чтобы это не кончалось, чтобы любимый не переставал её ласкать и трогать. Повинуясь, «любимая» перешла на свою кровать.

«Ну её, эту дойку, эту работу. Всё, всё – вон из жизни, – думала, – лишь бы был Он! И только Он с его нежностями и запахами. Я готова целовать ему ноги, руки – всё, лишь бы быть рядом каждую секунду оставшейся жизни».

Ни на утреннюю (раннюю) дойку, ни на вечернюю она не пошла. Соседке сказала, что приболела и чтобы подменили её.

Павла Платоновича ждала как бога. Жарила и парила. Вечером приезжал с работы лётчик, она поила, кормила и бежала в его кровать. Фира Андреевна обезумела от счастья, которому, как ей казалось, не было ни конца, ни края.

Фира Андреевна вздрогнула, когда в очередной раз постоялец, вернувшись с «полётов», проворковал: «Сегодня, Фирочка, я хочу сказать тебе самое сокровенное, что вот здесь». Он взял её руку и приложил к своей рыжей и волосатой груди.

Фиру Андреевну знобило. Она догадывалась, о чём пойдет речь, но не стала торопиться (научилась у него). «Возлюбленная» до сих пор называла его по имени и отчеству.

– Об чём? – прикинулась дурочкой.

– О главном!

– И чё же енто тако?

– Такое, Фирочка, а не «такое». Это – любовь, которую ты зажгла в моём сердце.

И Павла Платоновича понесло:

– С первого взгляда я влюбился в тебя. Ты вкусно готовишь, ночь я сплю на чистой постели. Ты настоящая хозяйюшка! Мне уже за сорок, и пора свить гнёздышко, только с тобой. Я живу в Питере, там у меня свой особняк, а хозяйки нет. Родишь мне детишек, будем растить вместе. Я хочу жениться на тебе. Ты согласна стать моей женой?..

– А как жить, канешна! – не думая, бухнула Фира Андреевна. – Я с первого взору поняла, что ты втюрился в меня, но и я тожить...

– В этом я не сомневаюсь, – усмехнулся Павел Платонович. – Жить будем у меня. Ну её эту деревенщину. Одну тебя, как первую красавицу, пусть завидуют все. Эта халупа нам не нужна. Королева должна жить в замке! Хочешь жить в замке?

– А кто ж не хочет?

– Сегодня же расквитайся со своим дерьмовым колхозом, продаём твою «сараяшку» и – на волю, в северную столицу! В столицу, где Нева, где кони Клодта.

– Там чё, есть конюшня?

– Какая конюшня? – А! Клодт – это скульптор. Он изваял коней для моста.

– Канешна, канешна, – кивала головой «супруга».

– Там обвенчаемся в храме, распишемся и будем жить-поживать. Я стану летать, а ты выйдешь на балкон многоэтажки и станешь мне махать рукой. Я помашу тебе крыльями самолёта.

– Да ты сказал, что у тебя дом-то отдельный – особняк, чё ли?

– Да, да, – поправился Павел Платонович, – особняк на берегу, рядом с Петродворцом. Есть и квартира в многоэтажке. Там я начинал свою жизнь...

Через десять дней Фира Андреевна удачно продала свой родительский дом вместе со всем скарбом.

Павел Платонович не стал обременять себя вещами: «Надо взять только документы, ценности, а из одежды – самое необходимое.

– Билеты на самолет я купил, – сообщил он «жене». – Через два дня вылетаем в наш родной Петербург, заживём мы с тобой, Фира! Красна пава перьём, а жена – мужем! – не преминул он втиснуть поговорку в свою тираду.

Фира Андреевна не будь белой вороной, тем же манером ответила «мужу»: «На красивую жену глядеть хорошо, а с умной жить хорошо!».

Павел Платонович вскинул брови, но смолчал. Выйдя с крыльца родного дома, где Фира родилась и выросла, где в обнимку с рассветами спешила на ферму, и откуда вынесли отца, после – мать. У неё никого больше не осталось. Она перекрестилась на четыре стороны, поцеловала порожки. Павел Платонович подхватил её под руку, не давая расчувствоваться, заторопил:

– Идём, идём. Нам надо спешить, плюнь ты на эту развалюху и – к светлой вершине.

Солнце смеялось, хохотали на ветках разноголосые птицы, орали песни разухабистые петухи. Мир жил беззаботной сиюминутной жизнью.

А у Феры покалывало сердце. В окнах автобуса мелькали знакомые хаты, кирпичные строения, школа, аптека. В душе что-то обрывалось, расплывалось, мутилось. Фира Андреевна весь путь молчала. В руках она крепко сжимала ручку чемодана, в котором лежали деньги, паспорт, подаренные матерью фамильные серьги, кольца, медальон.

– Ты вот здесь посиди, Фира, – «муж» указал ей на скамейку в парке, – а я пойду в диспетчерский пункт, договорюсь с руководителем полётов, чтобы меня подменили на недельку. Он же мне билеты заказал со скидкой. Как устрою тебя в Москве, тогда и вернусь в это захолустье, закончу стажировку, соединимся окончательно и заживём с тобой, как Иван Царевич с Царевной-лягушкой!

– Вылет-то во скоко?

– Скоро, милая, скоро. Я всё скажу, устрою по высшему классу. Чемоданчик-то дай мне, а то какой-нибудь хмырь выхватит у тебя и поминай, как звали. У меня надёжнее будет.

Он лёгким движением перехватил ручку чемодана, бегло холодным взглядом скользнул по Фире и засеменял к вокзалу. За деревьями Фира Андреевна заметила женщину в красном, которая бежала и кому-то кричала: «Жора! Жора! Это я! Постой!».

Фира Андреевна сидела долго. В её сознание как шуроп ввинчивалось то одно, то другое. Слова, слова. Сказанные её красавцем, они возбуждали. Всё так складно, так толково, необычно. «И это правильно, – думала она, – и это к месту. Вдруг – дошла до слова «Москва». О какой Москве-то говорил? Он же в Питер меня везёт? Да и де ж он-то? И хто ента краля, не ево ли звала? Можя, он Жора?»

Она сидела больше часа и всё думала, думала. Поднялась со скамейки, вошла в помещение аэровокзала, по гулу насчитала подъём трёх или четырёх самолётов, больше не взлетали. Скамейки, на которых сидели пассажиры, опустели. Голова стала полниться сомнениями, догадками. Глазами обшаривала вокзал. Вся изорвалась, изметалась. Его не было нигде.

«Простота хуже воровства, – вспомнила слова матери. – Кому ж доверилась? Даже паспорт не спросила»...

В диспетчерскую её не пустили: «не положено». Кассир, собираясь закрыть окошечко, остановилась:

– Мы, дамочка, работу закончили, билет купите завтра.

– Мне не нужен билет. Здесь работают, то исть на стажёрах Павел Платоных, не скажете, иде он?

– Павел Платонович? – кассирша пробежала глазами по журналу. Ни такого имени, ни такого отчества я не припомню. А вы кем ему будете?

– Жена... – осеклась Фира Андреевна, – почти что...

– Сожительница что ли? По фамилии-то он кто?

– Не знаю... Не говорел...

– «Не говорел». Вы с луны что ли? Голову-то мне не морочьте!

Со злом захлопнула окошечко.

Фира Андреевна стояла совершенно опустошенная, как скорлупа грецкого ореха. Ещё немного постояла в раздумье, потом медленно побрела к выходу. В мозгу стрекотало:

– Улетела в тартарары... лягушка... царевна... дура-дурой...

Фронтвик

Высоченный, седой, изрешечённый пулями на полях сражений страшной священной войны, он напрочь забыл, по всей видимости, специально, откуда он родом, но, несомненно, из драгоценных кладезей земли русской.

Ходил в военной зелёной гимнастёрке, штанах-галифе, кирзовых сапогах. Постирал форму и снова наденет. Снимал редко, когда шёл на рыбалку, туда одеваться надо потеплее.

Приехал в отдалённый таёжный уголок, что рядом со знаменитым трактом, по которому царские жандармы вели сначала уголовных, потом политических заключённых: народовольцев, социал-демократов, участников восстания на броненосце «Потёмкин».

Тут-то Абросим Игоревич Лютиков и обосновался. Купил маленький домик, в который входил, согнувшись. Привёл вдовушку. Говорят, муж да жена одна сатана. Абросим и Устинья – полная противоположность друг другу. Она – маленькая, кругленькая, быстрая. Он – в два раза выше её. Сдержанный в словах, но весельчак – оптимист. Если Устинья гневилась, он срывал со стены балалайку, выдавшую виды, и начинал играть, подпевая беззубым ртом:

– Не гнефись, моя Маруся, Фсё рафно ф тебя флюблюся, Будет нечего кушать, Будем лыфину чесать.

Война оставила на нём слишком много отметин. Вмятина в черепе с правой стороны лица. Одна щека глубоко вдавилась внутрь, подбородок выходит далеко вперёд. Когда он укладывался спать, Устинья каждый раз охала:

– Никак все целились тока в тебя. Господи! Живого места нету! Там зашито, здесь перешито. Весь в рубцах. Хошь ба рассказал, на каком хронте тако было и как в живых-то оставси? Нешто и танки по тебе утюжили?

– К чему всё это, Устиньюшка? Полегчает, што ли, от этого, ежели стану рассказывать? – отбивался Абросим, – што было, то не вернётся.

– И хвамилиа, бытто в насмешку — «Завяли Лютики...», – подначивает его Устинья, как он её иногда.

– Лютиков не завял, а снова расцвёл, – тем же манером Абросим в пику ей. – Живу, пока рядом подруги, – и он устремляет взгляд на стену, откуда только что снял балалайку.

– А я что, не гоюсь в «подруги»?

– Ты мой слушатель и ценитель того, что умею, и ещё кое-кто. О любви не буду, коль «завял». Ты – мой бальзам с утра и до вечера, тоже музыка, немного иная...

И снова в его руках звенит балалайка. Кто ни идёт, остановится, присядет у них на завалинку, откуда просачиваются переливы трёхструнки, и поднимается лишь тогда, когда обрывается музыка. А пока дивится нежно-звучащим трелям, наслаждаясь удивительными переборами:

«Светит месяц, светит ясный, Светит алая заря»...

Устинья забывала, о чём бранилась, осторожно снимала фартук, садилась на табуретку и млела, уносясь куда-то в своих думушках. Не за это ли полю-

била его? За доброе, открытое, не тронутое шальной пулей сердце. За улыбку, пусть некрасивую, но такую душевную, что готова простить ему всякую провинность.

Война не смогла отнять у этого человека два непреходящих дарования: слух и тонкое чутьё. Отняла пять пальцев на двух руках: на одной - два, на другой - три. А он ухитрялся извлекать ими такие звуки, от которых душа летит в поднебесье. Левая рука скользит по струнам грифа вверху, зажимая то одну, то другую. Три пальца правой ударяют вниз. Словно цель их, как можно быстрее оборвать струны. Но струны поют. Балалайка стонет, рыдает, смеётся, уходит в неведомые дали, разговаривает, поднимет настроение, зовёт к жизни. И, кажется, нет предела человеческим возможностям, чего бы нельзя сделать сейчас, сию минуту.

О несравненном даровании скоро узнало всё село. И вот он на концерте в сельском клубе. Побрит, причёсан, в неизменной военной гимнастёрке. Сапоги начищены. Угол балалайки зажат между ног. Льётся одна мелодия за другой. Зал полон, но, кажется, не дышит. Абросим Игоревич весь в музыке, сосредоточен. Мимикой передаёт оттенки того, о чём выговаривают струны. Потом он поднимается со стула во весь двухметровый рост и, скромно улыбнувшись, раскланивается. В левой руке инструмент, который почти не виден: балалайку скрывает далеко отходящий в сторону полукруг кармана галифе. Зал взрывается аплодисментами, просит ещё.

Такого здесь никогда не было. Приезжали музыканты, но они не задерживались, уезжали.

Он сел на стул и зазвучал вальс. Кто-то поднялся, пригласил на танец спутницу. Пожилая пара закружилась в вальсе. Участники самодеятельности поддержали её. И вот уже вальсируют десять пар. Им тесно. Не переставая играть, Абросим Игоревич поднимается и переходит в фойе, где просторнее. Люди устремляются за ним. Ему подставляют стул, он садится и всем своим существом уходит в музыку.

За окном бушует метель. В окна бьют крупные хлопья снега, мороз стылыми клешнями хватает брёвна деревянного сруба, ищет щёлочки в оконных рамах, вваливается манной кашей в открываемую входную дверь. Люди не замечают этого. Один вальс сменяется другим. Сердца, истосковавшие по забытой и столь прекрасной музыке, наслаждаются ею. «Амурские волны», «Дунайские волны», вальс «На сопках Манчжурии». Молодёжь обычно танцевала, когда была в городе. Там по субботам в парке, на горе, где высится православный храм, закрытый партийными властями, устраивались танцы. Рядом с храмом – танцплощадка, где играл духовой оркестр. Село – не город, и простая балалайка заменяет целый оркестр.

Хотелось жить, петь, веселиться. Это нравилось селянам. Это для них – праздник. Вдруг неожиданно музыкант ударил по струнам, и зазвучала «Барыня», за ней «Цыганочка». Два часа русской удали. Пальцы фронтовика пере-

ставали слушаться, капли пота стекали с лица, тёмными пятнами ложились на гимнастёрку, капали, словно дождинки.

– Спасибо! Молодец! – выкрикивали ему слова благодарности за этот чудный вечер. Музыка будоражила народ, поднимала настроение. Такого здесь, в тихом таёжном селе, никогда не было. Не было такого единства людей, их душевного порыва, открытости. Все спрашивали: откуда он? Кто он? Учился ли в консерватории или самоучка? Никто не знал ровным счётом ничего, и отвечали: «Фронтвик».

Человек в маленьком селе не сразу приживётся. Абросима Игоревича приняли и полюбили. Ни один концерт не обходился без его участия. Да и сам он воспрянул, поняв, что стал нужным людям, может приносить пользу.

Учителя пригласили в школу вести кружок. Сначала он подобрал трёх ребятшек. Особенно понравился ему семиклассник Толик по фамилии Манид, чуть ли не магнит. Этот мальчик и вправду примагнитился к балалаечнику, будучи самым способным. Толик неплохо играл на гитаре, оказалось, что Абросим Игоревич и на гитаре выделяет такие штучки, отчего Толик раскрывает рот.

– Вот это да! Вы и на гитаре можете?

– И не только на гитаре.

Однажды в кабинете директора школы увидел домру, невесть откуда взявшуюся тут.

– Разрешите? – спросил фронтвик.

– А вы что, умеете и на домре?

– Чуть-чуть, – ответил Абросим Игоревич.

– Медиатора нет, куда-то исчез.

– Это поправимо.

На другой день сделал из расчёски медиатор. Научил играть на домре шестиклассника. И вот на районном смотре зазвучало трио. Школа, никогда не блиставшая талантами, удивила необыкновенным номером. О музыкантах из отдалённого селения заговорил весь район. В школу приехал корреспондент. Сфотографировал артистов во главе с руководителем. Вскоре появилась большая статья в районной газете с фотографией и фамилиями каждого из трёх участников. В группу, которой руководил Абросим Игоревич, стали записываться другие ученики, он никому не отказывал. Да вот не на чем играть, а желающих уже более десятка.

С директором школы и завклубом написали прошение в райком партии. Просьбу не оставили без внимания. Через неделю заведующий районным отделом культуры привез набор из шести новеньких инструментов.

Приближался отчётный концерт района в столице республики, денег на инструменты не пожалели. Больше всего Абросим Игоревич радовался бас-гитаре, именно её не хватало в ансамбле.

Часто на репетицию, теперь уже струнного оркестра, приезжали из отдела культуры, участвовали в подборе репертуара. Руководитель отстаивал вклю-

чение в концерт русских народных песен. Всю душу он вкладывал в своё детище. Часами проводил занятия то с одним, то с другим учеником. Ему платили копейки – то, что могла выделить школа за кружковую работу.

– Чё это тебя целыми днями нету и нету, хошь бы поесть пришёл, весь исхудал, артист с погорелого тиятра, – корила Устинья своего мужа.

– Готовимся к смотру, выходим на республику, а там, глядишь, и на зональный пройдем. Школьники-то нот совсем не знают. Пособий никаких нет, всё от руки приходицца каждому рисовать, вот и «пропадаю» в клубе да в школе, – говорил музыкант, съедая некоторые согласные.

– От руки! Были бы руки, а то из двух одна. Поди, замучил ребятишек-то?

– Они занимаются с удовольствием, с азартом, – радовался руководитель успехами своих подопечных.

Струнный оркестр сельской школы явился открытием для профессионалов республиканского жюри. Заговорили о нём, как о «неисчерпаемости народных талантов». Было принято решение этому коллективу выступить от республики на зональном смотре. Жюри посоветовало заменить костюмы. Они не соответствовали народному характеру музыки. Руководителя упрекнули в том, что он работал без пюпитра, играл «на слух» и сидел в неестественной позе, слишком близко наклонившись к инструменту, «носом уткнувшись в колки». Когда комиссии объяснили, что руководитель – фронтовик и инвалид, – все замечания отпали, но чем-то он им не нравился.

Учащихся увезли в город, на время освободив от занятий. Начали их усиленно готовить профессионалы. Теперь руководитель стал как бы ни при чём, отошёл на второй план, к нему редко обращались. Он превратился в рядового исполнителя. Его как-то сторонились, гнушаясь внешности. По-прежнему Абросим Игоревич ходил в военной форме и кирзовых сапогах. Намекали на то, чтобы купил себе что-нибудь из одежды: «как-никак это искусство и требует особого отношения к внешнему облику». Такие колкости Абросим Игоревич проглатывал, но терпел ради детей. Купил ситцевую рубашку и брюки.

«Мне только бы их вывести в люди», – думал он. – «Им ещё столько всего надо вынести и испытать. И взлёты, и падения. Мне уже ничего не надо. Моё самое страшное позади».

Внутри щемило, грызло, словно кто-то старался оторвать часть того, что не было вынута войной.

И вот, они в белых русских рубашках навыпуск, расшитых по вороту и обшлагам, в атласных синих шароварах, заправленных в хромовые мягкие сапожки, изготовленные каждому по размеру. Новенькие инструменты, поблёскивающие лакированной поверхностью. Струнный оркестр из далёкого села, состоящий из двенадцати человек, увеличили, введя музыкантов из других коллективов. Под сводами огромного зала разлилась, заполнила всё пространство дивная музыка: «Ой ты степь широ-о-кая, Степь раздо-о-льная»...

Музыка парила над людьми, входила в сознание, проникала в глубину души.

Зал гремел, неистовствовал, восторгался. Одна мелодия сменяла другую. Под бурные овации улыбающиеся, счастливые артисты вставали со своих мест, кланялись по команде, садились – и снова срывались водопадом, словно бурлящие потоки стремительно неслись вперёд. Концерт окончен.

Ни у одного из членов жюри не возникло ни тени сомнения о высоком профессиональном мастерстве исполнителей, их таланте, виртуозном владении инструментами. Впереди – Москва. Члены жюри удалились за кулисы. Участникам пожали руки, поблагодарили, обойдя стороной фронтовика. Попросили отойти в сторону руководителя делегации и вполголоса говорили с ним, бросая взгляды на Абросима Игоревича.

– Да, – начал один из них, – он, несомненно, даровитый человек, вот внешность его портит общее впечатление. Среди этих симпатичных мальчишек он как белая ворона: худой, нескладный. И рост – слишком велик. Выбивается из ровного ряда молодёжи. И взгляните на его руки. Это не руки, а крюки. Ну не может он выйти на московскую публику, такую щепетильную и цивилизованную...

Ему прямо не сказали «нет». В село вернулись радостные, с вымпелом, дипломами и подарками. Вымпел почему-то вручили Толику Маниду. Толик, получив его, принёс и передал Абросиму Игоревичу.

– Не знаю, почему назвали моё имя, – недоумевал немного растерявшийся паренёк. – Примите, Абросим Игоревич, это Ваша заслуга.

– Что ты, Толик! Всё правильно. Молодым должна быть дорога. Ты теперь там можешь руководить, многое перенял от меня. Вот подучишь ноты. Закончишь музыкальное училище, как я когда-то в Апшеронске. – Но где был этот Апшеронск? Он впервые приоткрыл завесу своей тайны, откуда он родом, как можно было предположить. – Приедешь в село учителем музыки, а может, станешь профессиональным музыкантом.

Фронтоник понял, что он не в том бою.

Репетиций никаких больше не было. Лишь однажды весь ансамбль в новых костюмах блестяще выступил на родной сельской сцене, и вскоре ребят увезли в республиканский Центр для подготовки к выступлению в Москве, где должна была пройти Декада литературы и искусства республики.

Родители и учителя боялись произнести фамилию Лютиков. С ним мало общались, сторонились. На гулянья, как прежде, не приглашали. Фронтоник, осознавая, что перестал быть нужным, замкнулся, сник, разом постарел.

– Чой-то тибя не взяли с собой? – как-то осторожно спросила Устинья. – Не пондравился чё ли?

– Да шо ты, Уфтиньюшка, фжяли, как же меня не фожьмут. Я же рукофотитель. Скажали, штоп попоже приехал. Фот скоро поеду.

И он уехал. Навсегда. Куда уехал? Не знали. Как и не знали, откуда приехал. На стене остались гитара и балалайка. В жестяной коробке из-под чая – целая охапка орденов и медалей. Удостоверения на них сжёл, чтобы не уви-

дели, за что получал, где и когда. Никто об их существовании и не догадывался...

Сидела как-то Устинья тёмной ночью на завалинке и глядела в небо. Лето. Тепло. Небо ясное-ясное. Звёзды как на ладошке. Вдруг одна из них сорвалась. Летела недолго. Оставила шлейф и исчезла. Устинья вслух произнесла: «Вот и мой Абросим появился на небосклоне, просиял и исчез. Да и к чему было ему здесь оставацца, душу рвать, пушшай хошь душа останецца с им».

Неотправленное письмо

– Что этот мальчишка все смотрит и смотрит на меня? Лучше бы – на доску, на мне ведь не написано! - нервничала семиклассница Нана, списывая с доски домашнее задание в дневник.

– Как его зовут?

Угадав её мысли, новый мальчик неожиданно для Наны, протянул ей свою худенькую с длинными пальцами руку, произнёс:

– Толик... Магнит. А тебя?

– Вот это фамилия! – пронеслось в голове Наны. Это её заинтриговало, но она скромно, не глядя на него, назвала свое имя и вышла из класса.

Толика обожгло прикосновение к её руке. Нана не знала, что он из-за неё остался на второй год в седьмом классе, потому что ему давно хотелось быть рядом с этой боевой и озорной девчонкой. Родители Толика догадывались, по кому он страдал, но умалчивали: "Будь что будет!".

Знала и мама Наны – учитель начальных классов. И, когда встречалась с Толиком, говорила с ним мягко и уважительно. Агриппина Павловна (так звали маму Наны), следовала принципу: "Не любить, значит – не жить".

Нану раздражало то, как он целый урок мог не сводить с Наны своих больших голубых глаз, и он не скрывал ни от кого своих чувств.

На Восьмое марта в школе организовали вечер. Толик подарил Нане букет домашних цветов, чем удивил всех. В это время в Сибири мороз стоял под минус тридцать, цветы в селе – только комнатные. Нана приняла их. Потом пригласил её на вальс. Она боялась заглянуть в его бездонные глубокие озёрца. Он осторожно касался её талии. Она слышала, как громко бьётся его сердце, думала, вот-вот выпрыгнет. Спросила: "Сердце не болит у тебя?"

Ответил прямо и искренне: "Очень болит!". Потом, помедлив, добавил: "И в этом виновата ты!".

Опять вскинул на неё свои голубые блики, словно в первый раз видел. Нана почувствовала его взгляд и застыла от неожиданного признания.

Невысокая, полненькая девчушка с длинной плотной каштановой косой, казалась зажжённой свечкой. Так ярко падал на неё густой свет лампочки большого накала.

– Пойдёмте к морю! – вдруг загалдели друзья.

Вмиг опустел школьный коридор, где проводились мероприятия, все помчались к Байкалу. Натаскали веток, разожгли костёр. Стали придумывать игры, петь песни.

– Где Толик? – подумала Нана.

– Нравится мне он, или? – думала она.

– Вряд ли! Почему-то мне жалко его.

Толик одиноко брёл домой с тяжёлой грустью. Нана не ответила на его чувства. Но он всё равно любит её и будет любить всегда.

В летнее время восьмиклассники стремились стать рыбаками, чтобы зарабатывать денег. На плёсе две бригады закидных неводов рядом. В одной десять школьников, в другой – восемь.

Байкал бушует, значит, утром не поднимут рано.

Целый день играли в футбол команда на команду. Потом пошли в тайгу.

В лесу тишина! Ветер гуляет на верхушках столетних сосен и елей.

– Играется! – кто-то кинул фразу.

Барабанит дятел, посвистывают коростели, гулким эхом заполняет тайгу баритонный бубен пестрой кукушки, взгромоздившейся на макушку лиственницы.

Набродившись, надышавшись чистейшего лесного аромата, вернулись в бригаду с полными вёдрами грибов и голубики. После ужина, уставшие, рано легли спать.

Толику не спалось: все думал о Нане. Вышел из барака.

Темные тучи висели порванными мешками с песком, а меж них – жёлтые проблески луны. Байкал гнал стадо обезумевших барашков, а они, стукнувшись о неприступность откоса, пятились назад, прихватив с собой по горсти золотистого песка, исчезали.

«Была – не была!» – решил Толик. Ему исполнилось пятнадцать лет, и он превращался в прекрасного юношу: стройного и элегантного.

Бесшумно вошёл в барак. Девчонки сладко посапывали. Нана – с краю. Её будто что-то кольнуло. Она открыла глаза и чуть не закричала. Редкая луна высветила лицо Толика. Он стоял перед нею на коленях. Осторожно, горячей ладошкой прикрыл ей рот: "Я ничего тебе плохого не сделаю. Пойдём, погуляем?". И вышел из барака.

Нана подумала: "Ну его! Откуда пришёл, туда и уйдёт. Лучше посплю". Подсунула ладонь под подушку, но не спалось. Поднялась, оделась, вышла. По-прежнему ветер рвал на своей груди рубаху. По-прежнему косулями скакали на берег волны, и хитро посматривала луна.

– Нана! Я тебя очень люблю! – захлебываясь словами, словно тонущий в воде, пылко и часто заговорил Толик. – Почему ты не отвечаешь мне? Весь мир мне кажется удивительно прекрасным, когда ты рядом! Разрешить? – И он вложил свою огненную ладонь в её пухленькую, бархатистую.

Они спустились с откоса. Он говорил и говорил. О том, что готов ради неё на мыслимое и немислимое. Влюбился, когда впервые увидел её плотную

роскошную косу, румяные круглые щёчки и светлячки в необыкновенно ласковых глазах. Теперь – не мыслит своё существование без неё!

Ей он нравился и не нравился. Она мечтала о светловолосом и высоком, каким и был Толик. Но почему он не трогает её сердце? Почему его просто жалко и всё? Может, оттого, что из большой и бедной семьи? Или что-то ещё, чего она не может понять?

– Нет, – говорила она себе. – Не то, всё не то...

Больше часа бродили по песчаной косе, ловили влажный воздух, вглядываясь в чёрную даль разгневанного моря. Чего-то не хватало в этом безбрежном бушующем просторе: нежности, что ли?

На многие вопросы юноши она не давала утвердительного ответа. Слова её были неопределёнными, размытыми, еле произносимыми, отчего море сглатывало их, или порывы ветра уносили в тайгу...

До выпускного десятого класса их дружба не обрела определённости и крепости. Запоминающимся остался поход в заповедные Духовые озера. До них надо было идти пешком: километра два до речки, потом переплыть её на лодке, потом снова долго идти по лесистой тропе близ подножия гор. Случилось так, что классный руководитель заболела и не смогла возглавить поход со своим классом, тогда они решили идти самостоятельно.

В тайге немало разного зверья, но местные подростки были готовы к любым испытаниям.

За плечами у них ружья: берданы и мелкашки. Родители с раннего возраста приучали детей к выживанию в суровых условиях.

Буйствовал месяц май. Склоны гор поменяли белый наряд на лиловый: цвёл багульник.

Ивушка опустила в недвижимую гладь воды медовые пушистые серёжки. За горой скрылось раскалённое светило, и опустилась сумрачная вуаль. Тайга замерла в ожидании чего-то гордого, таинственного и великого! Копшатся пташки, укладываясь на покой. Раздаётся хлюпанье на зоревой глади полыхающей воды: щука устроила карасёвый ужин. Первозданное байкальское очарование! Кажется, природа сама просится в гости к молодёжи: замерла, остановилась, насторожилась.

Нана родилась именно в этот день, День пионерии. Толик знал об этом. Собрал листья бадана, нарвал веток вербы и черёмухи, составил букет. Букет торжественно преподнёс Нане. Она прыгала от счастья! Ей никто и никогда не дарил такой необычный!

Развели костёр, на рожне пожарили окуней, добытых в озере на удочку. В золе напекли картошки. Шутили, смеялись, рассказывали смешные эпизоды из школьной жизни.

Ночевать пришлось в зимовье. Чтобы обогреть жилище, Толик разжёг небольшой костёрчик прямо на земляном полу, и всю ночь поддерживал его, сидя рядом со спящей Наной.

Утром выглянули и обомлели: кругом бело, снег валил хлопьями. В обратный путь мальчики торили снежную тропу.

Позже самовольщикам крепко попало, когда узнали, что они ходили без учителя. Собрание, педсовет, дознания: что ели, пили, чем занимались? Толик взял всю вину на себя, как организатор похода, хотя принимали решение всем классом.

После выпускного вечера снова пошли в лес, теперь с учителем. Думали, какую память оставить о себе? Толик предложил: "Видите, вон высоко спиленная береза. Ей мы уже ничем не поможем. Давайте вырежем на ней свои имена".

– Так же сгниет, а с нею и наши имена! – кто-то саркастически пальнул в его сторону.

– А, ведь, Толик прав, – поддержала Надежда Михайловна, классный руководитель. – Добрый разум наживают не разом. вспомните: новгородские князья писали на берёсте. Она в земле пролежала столетия, и даже сохранились долговые расписки. Почему бы нам не последовать их примеру? И все бросились царапать вокруг ствола. Нана не стала спешить. Решила прийти сюда на следующий день, взять острый нож и вписать свою фамилию.

Так она и сделала.

Толику через день надо было уезжать. Ему исполнилось восемнадцать, и он подумывал об армейской службе. А пока он отправлялся в республиканский центр к родственникам, чтобы там подыскать работу.

Сегодняшний день он решил посвятить Нане. С раннего утра следил за воротами её дома. Десять часов утра, а она не появляется.

Около одиннадцати часов Нана вышла из ворот в сереньком платице, с верёвкой в руках и с ножом. Верёвка ей нужна, чтобы пригнуть рядом стоящую берёзку, взобраться на высокий пенёк, и сверху начертать факсимиле. Толик следил за ней поодаль. Каждое движение сформировавшейся девушки-красавицы, он ловил, пожирал, наслаждался. Каждый её шаг сладким отзвуком отдавался в сердце высокого, возмужавшего парня. И вот, когда ей удалось взгромоздиться на пенёк, удерживая верёвку, чтобы берёзка не выскользнула, – в это самое время до неё донесся истошный крик: "Нана! Наночка! Милая! Родная! Не надо! Не надо!..".

Она так перепугалась, что чуть не слетела с верхотуры. Потом застыла на постаменте, точно памятник. Округлив свои выразительные глаза, которые вдруг вспыхнули лазерными лучиками, выпалила: "Кто кричит?". Тут она увидела вылетевшего из чащи Толика, словно его нагнал медведь.

– Толик! Что с тобой? Как ты здесь оказался?

Толика била дрожь. Он находился в трансе:

– Нана! Не надо этого делать! Я без тебя не проживу и дня. Давай, лучше вместе...

– Что вместе? – недоумевала девушка.

– Ты же повеситься надумала. Из-за меня...

– Дурачок!..

Нана просто и ясно объяснила ему, зачем сюда пришла.

Толик сел на валежину, и какое-то время приходил в себя. Затем протянул ей обе руки. Она прыгнула в его объятия, быстро освободившись. Он взял из её рук нож и с особым тщанием вывел имя и фамилию Наны. Спohватившись, крикнул: "Минуточку. Я сейчас!"

Метнувшись в сторону, через мгновения стоял перед нею с гитарой.

– Ты что? Умеешь играть? – спросила она.

– Немного, – уклончиво ответил он.

Сел и заиграл. Нана была поражена. Она не знала, что Толик так виртуозно владел инструментом! Тихо напевая, переходил от одной мелодии к другой. Он весь был в музыке.

Остановилось щебетание птах, смолкли в селе горластые петухи. Даже не было слышно волн, которые умили свой нор. А Толик играл и играл, наполняя тайгу чарующими звуками, которые, отражаясь от ближних гор, наполняли сельские улицы. Тайга начиналась сразу же за огородами. "Адмиралтейский столп" выпускников располагался невдалеке.

Друзья не заметили, как меж деревьев стали просачиваться одноклассники, кто ещё не успел уехать. Молодёжь сгрудилась возле Толика, который играл и играл с упоением, а они дивились его незаурядному таланту. В его репертуаре преобладали русские народные мелодии.

На следующий день их пути разошлись. Нана решила стать учителем, поступала в педучилище. Толик тоже ехал в город испытывать судьбу. Его одолевали думы: "Неужели я напрасно вечерами брал уроки у гитариста и балалаечника? Я так хотел удивить её и расположить к себе! Не смог! Что во мне не так? За что она могла бы полюбить? Но я всё равно не отступлю!"

Через год Толика призвали в армию, откуда он почти ежедневно писал письма любимой. Та отвечала, но нерегулярно.

Нана окончила двухгодичное училище, работала в сельской школе лесозаготовительного участка. Энергичная и боевая, была замечена, и райком комсомола рекомендовал её, чтобы она сопровождала группу детей в пионерский лагерь "Артек".

В Уфе в вагон сели трое чувашей-спортсменов. Весёлые, рослые, крепкие парни ехали в Москву на соревнования. Володя, так попутчики называли друга, упорно и настойчиво добивался расположения приглянувшейся девушки. «Ещё один "светленький" предлагает дружбу» – подумала Нана. Червячки-мысли о дружбе разом отметала.

В Москве пересадка. Девять часов ожидания. Володя ни на шаг не отходил от Наны. На прощание дал свой телефон.

На обратном пути, снова пересадка в Москве. Из окна прибывающего на платформу поезда она снова увидела Володю. «Какой настырный!» – мелькнула у неё мысль.

Володя встретил Нану с букетом. Её сердце начало понемногу таять, и она дала ему свой адрес.

Вскоре Володя приехал в сибирское село и попросил руку и сердце Наны.

Толик тем временем надеялся, что Нана, наконец, ответит ему взаимностью. Писал и писал.

Нану это всё больше раздражало, и она решила ему написать ему последнее письмо:

«Толя! Здравствуй! Твоя настойчивость напрасна. Я никогда тебя не любила. Никчёмная жалость к тебе не позволяла мне сказать это прямо и открыто. Я знала, какие чувства ты питал ко мне, только не знал моих. Они не принадлежали тебе и не могли принадлежать. Мне тяжело было решиться на это письмо, но когда-то я должна была сказать всё, что я о тебе думаю. Ты красиво ухаживал. Боясь спугнуть свою мечту, за целых три года ни разу не обнял и не поцеловал. А девушкам хочется любви настоящей, а не салфеточной. Меж неравных – не уживается любовь. Подвела тебя никчёмная скромность и галантность. Девушкам больше нравятся решительные и упрямые в своей любви. Да, ты красивый и статный, и любая девушка сможет полюбить тебя, только не я. Не скрою: мне нравились твои большие глаза байкальской глубины. Но не это главное. Не примагнитил меня звон твоей фамилии... Прости! Я выхожу замуж. Оставь при себе свои фантазии. Забудь меня. Навсегда. Ищи своё счастье. Может, оно и улыбнётся тебе. "До свидания" не говорю, потому что его не будет. У меня теперь другая жизнь. Семейная. Иди своей дорогой, а куда она тебя приведёт, знает лишь один Господь. Твоя одноклассница: всё, что оставляю в своей памяти».

Немало времени утекло, убежало, растаяло в буднях жизни. Однажды Нана увидела сон, который напомнил ей о прошлом. Поход. Много шумных, болтливых ребят. Лес, костёр и Толик. Он сидит на большой валёжине с гитарой и поёт: «У меня была любовь, У меня была мечта...».

Нана проснулась, попыталась вспомнить слова песни. На неё нахлынули воспоминания.

Где же Толик? Как сложилась его судьба? Получил моё письмо? Получил и перестал писать... Как в воду канул. Обзвонила друзей. Никто о нём ничего сообщить не мог. У всех свои заботы, свои семьи, им некогда печься о других. Да и у Наны трое детей, но её всё же грызла совесть: «Нельзя было так жестоко обрывать с ним связь. Возможно, он проявлял настоящие высокие чувства, которые я разрушила и, прежде всего, в нём самом». Она металась, не находя себе места. Столько времени прошло, а от него ни слуху, ни духу.

Прошло два месяца. Вдруг она получает тонюсенькое письмо от неизвестного адресанта. Села, облокотившись на тумбочку, вскрыла конверт. "Девочка! До меня дошли слухи, что ты хочешь знать о судьбе Анатолия. Сына давно нет. В последний день службы убит снайпером-душманом. Засланил однополчанина. Помяни, если можешь. Поставь свечку в храме"...

Слёзы отчаяния, раскаяния и скорби застили глаза. Они потоками устремились на затемнённое стекло, лежащее на тумбочке для красоты. Сидела несколько долгих минут. Опомнилась: "Надо всё привести в порядок. Что подумает муж, когда увидит меня такой?"

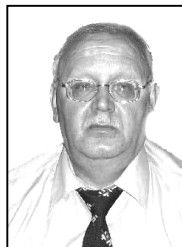
Подняла стекло, чтобы помыть его и обомлела. Под ним лежало не отправленное Толику письмо. То самое: подлое и надменное! Она схватила его, прижала к сердцу: "Родименькое, дорогое! Каким чудом ты оказался здесь?"

Она не могла вспомнить, как это произошло. И подписанный конверт здесь же рядом, и исписанный тетрадный лист. В растерянности, сначала хотела его сжечь, уничтожить! Поразмыслив, решила: пускай живёт вместе со мной, как память. Это – моя биография и моя история.

«Царствие небесное тебе, Толик! Прости и прощай!».

Красная купель

Александр Козин (Итыгилов),
писатель, журналист.
с. Турунтаево, Бурятия

Об авторе

Александр Захарович Козин – краевед, писатель, журналист. Литературный псевдоним Итыгилов – по фамилии матери. Родился в селе Турунтаево. Учился в Иркутском госуниверситете. Преподавал немецкий язык, русский язык и литературу в школах Заиграевского района. С 1973 работает в печати. Последние 12 лет перед уходом на заслуженный отдых работал в Интернет-центре районной библиотеки системным администратором и программистом.

Член Союза журналистов СССР и России с 1978, член Российского союза писателей (2017). Автор книг «Имена из глубины веков. Топонимика Прибайкалья» (Иркутск, 2008), «Сага о Прибайкалье» (Улан-Удэ, 2011), «Знамя победы – «Прибайкалец»: этапы большого пути» (Улан-Удэ, 2013) «Турунтаево вчера, сегодня, завтра» (Улан-Удэ, 2014), «Прибайкалье», книга очерков в трёх частях, (Улан-Удэ, 2015), сборник стихов и рассказов «Нефритовый всадник» (Москва, 2016). Соавтор «Книги Памяти Прибайкальского района» (Улан-Удэ, 2002).

В 2017 некоторые произведения опубликованы в сборниках «Русь моя», «Наследие», «Писатель года-2016», «Писатель года-2017», «Сборник прозы»; издатели - Российский союз писателей и Российский императорский дом.

Автор ряда видеofilьмов о Прибайкальском районе, а также CD/DVD «Энциклопедия Прибайкалья» (2004-2009), «Путеводитель Прибайкалье» (2008), «Литературная карта Прибайкалья» (2006), несколько брошюр и буклетов о Прибайкалье. Автор сайта www.az-kozin.narod.ru о Прибайкальском районе.

Статьи публиковались также в журналах «Байкал-Гео», «Библиопанорама» (Улан-Удэ), «Библиотечное дело» (Москва), в научном историко-этнографическом журнале «Тальцы» (№3-1999, Иркутск). Краеведческие статьи и очерки публиковались в газетах «Бурятия», «Прибайкалец».

Рассказ «Красная купель» - из сборника «Нефритовый всадник» (Москва, 2016).

Красная купель

Если кто-то и знает всё про всех, так это не Господь Бог, а тётя Галя из второго подъезда, которую за глаза все называли «старухой Шапокляк» из-за её зловредного характера: никогда не пройдёт мимо без того, чтобы не сделать какое-нибудь едкое замечание встречному, сказать нечто мерзопакостное и обидное. Вторая кличка её была «Информбюро», потому что её непечатному средству каждодневной информации можно было доверять на сто процентов: сведения она собирала тщательно, иногда годами отслеживая жизнь того или иного семейства или отдельно взятого человека. При этом, чем менее ординарен индивид, тем больший интерес он вызывал у старухи Шапокляк...

Все в округе побаивались попасть на убойный язык малосимпатичной старухи, в том числе и я, конечно. Но однажды понадобилась и ей помощь – сломался телевизор, а без него она не мыслила долгих зимних вечеров, да и дней тоже. И вот что интересно – будучи сама, с всеобщей точки зрения, человеком не очень положительным, в общении с телевизором она давала персонажам оценки, коих добивались, очевидно, безымянные режиссёры: что такое хорошо и что такое плохо определяла безошибочно. Обожала сериалы, могла смотреть часами мелодрамы и обсуждать героев как живых людей, предъявляя претензии плохим персонажам и сочувствуя положительным героям.

По-соседски она пригласила меня починить телевизор, и, ступив на порог её квартиры, я немного оробел, не зная как себя вести с ведьмой, давно уже всем опостылевшей. В доме её был идеальный порядок: все вещи на своём месте, опрятно убрано и достаточно уютно. Сама хозяйка светилась гостеприимством, предложила чашку чая и всячески выказывала своё расположение. Чаю я выпил из вежливости, а от разносолов отказался – вообще-то, пришёл я по поводу забастовавшего телевизора. А поговорить мы можем и за работой, на том и порешили.

Я принялся чинить аппарат, а старуха Шапокляк устроилась в кресле со своим вязанием и стала говорить, к моему удивлению, не о сплетнях или жалобах на власти и неурядицы, а о многих интересных и доселе мне не известных событиях и фактах. Вскоре я узнал, что родилась она ещё при Николае, а теперь вот дожила до Бориса Окаянного (разговор происходил в середине девяностых). Очень уж реальным и живописным (если к этой истории приложимо такое понятие) показался мне рассказ о событиях времён Гражданской войны. Ничего подобного ни читать, ни слышать мне раньше не приходилось. Если что-то покажется дотошным историкам не соответствующим действительности или просто выдумкой – прошу меня простить, источник информации: Галина Ивановна Сутемьева, с. Караулово, ул. Набережная 13. Итак...

***

Было это в марте 1920 года, мне только что исполнилось одиннадцать лет, по тем временам, человек уже почти взрослый. Жили все Сутемьевы тогда в деревне Кордон недалеко от Селенги. Улица наша шла вдоль крутого склона горы. Из наших окон была видна как на ладони и часть Селенги с островами, и село Караулово с железнодорожной станцией, и сама ветка железной дороги с водонапорной башней и казармами, в коих обитал персонал дороги и телеграфной станции.

В этом месте когда-то, в стародавние времена, стоял сторожевой отряд русских казаков, потом здесь возникла деревня, которую и стали называть Караулово. В двадцатом году здесь были американские и японские войска, белогвардейцы. А по нашему правобережью Селенги в те полтора-два года как раз управлял атаман Семёнов. Ничего плохого о нём сказать не могу, по-

тому что он был простой казак, с людьми был обходителен, а меня и мою подружку так даже угостил конфетами. Глаза у него, помню, были такие чёрные, пронзительные. Лицо братсковатое, круглое и скуластое, он же, говорят, наполовину бурят был, мать у него бурятка была. Так что он наш, местный. Пока он правил, у нас в Прибайкалье тихо было, спокойно. После Гражданской войны он в Маньчжурии остался. У него было две дочери, они там в русском женском монастыре воспитывались. Это мне позже рассказывала бабка Бородина, она в те годы жила в Маньчжурии. После, в сорок пятом, Семёнова схватили и потом повесили в Москве...

А в марте двадцатого года мы с подругой Груней Шадринной видели вот что.

Накануне вечером со станции Караулово вооружённые люди на лошадях, с красными лентами на папахах и шашками наголо прогнали колонну из пленных, видимо, белогвардейцев. Арестанты были без шинелей и погон, некоторые в одном исподнем, другие в военных штанах и рубахах, но тоже без погон. Их подгоняли, били прикладами и крыли матом, чтобы двигались быстрее. Сами-то на конях, а эти раненые, больные, некоторые даже босиком по скользкому весеннему насту шли, раздирая ноги в кровь... Мы это из окна видели с Груней, хотя мать на нас орала, чтобы не приближались близко к окну – «Увидят, утащат с собой. Ишь, рожи-то у них бандитские. Да и сами-то военные-невоенные – не поймёшь, кто во что горазд одеты!..».

Но мы всё равно потихоньку подглядывали из-за занавески.

Наутро арестантов погнали назад. Они, видно, ночь-то провели в мангазее – склад у нас в деревне такой большой был, там до революции общественное зерно хранилось. Весной у кого не было семян, тому давали из этой мангазеи в долг до следующего урожая.

Утром соседка Груня по задам пробралась к нам в избу, и мы с ней опять заняли свою наблюдательную позицию у окна. Мать строго-настрого запретила нам выходить на улицу, да и сама-то выходила на недолго, покормить-попоить скотину.

– А отец? – спросил я.

– А отец как в четырнадцатом году ушёл в конце лета на войну, так мы больше о нём ничего и не слышали. Да и не помню я почти своего отца-то, он когда уходил, мне годков пять только было, – отвечала баба Галя и продолжила свой рассказ:

Тут Шура-телеграфистка неподалёку от нас жила, телеграфисткой в деревне её называли по профессии мужа – сама-то она только год проучительствовала у нас, да и бросила из-за войны и бесконечной смены власти. И вот, значит, этой Шуре приспичило в такую непогодь тащиться в Караулово, к мужу, значит. Он там сутками дежурил на телеграфной станции.

Она только за ворота, а там уже красные колонну ведут, погоняют – самим даже холодно, хотя в куртках кожаных, в шинелях и телогрейках разных. Шура было поспешила, но вскоре за околицей её нагнал конвой, двое отделились от

колонны и спешились. Задержали Шуру, а колонна двинулась дальше. Арестантов было, наверно, человек шестьдесят-восемьдесят, все большие и немощные, а конвоиров не больше двадцати, но свирепые – ужас.

Смотрим: эти двое у Шурочки её муфточку отобрали и бросили в снег, хочут. Потом жакетку с неё плюшевую тоже скинули на снег и саму её повалили на жакетку. Она кричит, кулачками машет, но где ж ей отбиться от таких здоровенных бугаёв?!.. Глядь, один уже отряхивается и штаны натягивает, другой на его место пристраивается, а Шура уже и не сопротивляется. Может, даже сознание потеряла, кто знает. Только по окончании второй ткнул ей штыком прямо в грудь, вскочил в седло и последовал за товарищем.

А колонна уже подошла к Селенге, перешла на остров Спасский, за которым было самое глубокое место и зияла огромная полынья. Издалека вода смотрелась чёрным пятном среди ещё заснеженного острова и чахлах деревьев и кустарника на нём. Мы-то думали, что арестантов ведут в Караулово, на станцию, чтобы увезти в тюрьму или ещё куда. Но нет – колонна остановилась, часть конвоиров спешила, и стали отбивать от колонны по три-четыре человека, как овец от стада. Выстрелов не было, а только штыками кололи их и сталкивали в воду. Длилось это очень долго, так что мы не в силах были даже смотреть на это изуверство.

Когда всё закончилось, конвоиры все спешились, взяли коней под уздцы и перешли реку в другом месте, чуть выше по течению, где ещё был крепкий лёд. Больше мы их не видели.

Говорили, что в эти дни японцы и семёновцы оставили Верхнеудинск, а город заняла Красная армия, потом сделали буферное государство, но мы как жили в России, так и остались, а вот половина нашего района стали «маньчжурами» в буферном-то государстве. Чудно было как-то – живём рядом, все те же русские и буряты, а государства разные. Но это недолго было, через год или полтора стала везде советская власть. Потом и жизнь стала налаживаться...

А в тот день мы только к вечеру осмелели, видя, что душегубы не возвращаются. Решили посмотреть, что с Шурой, и куда делись арестанты. Добро бы японцы или американцы убивали, а то наши же, свои. Вот какую вражду между людьми посеяли!..

Мать не пустила нас с Груней одних, пошла с нами. Шура-телеграфистка лежала навзничь у дороги, раскинув руки и глядя в небо широко раскрытыми глазами, будто спрашивая у Бога: «За что?». Юбка у неё была срамно задрана, мы опустили её до колен и пошли дальше. До полыньи было рукой подать. Что там творилось, и сейчас рассказать страшно: трупы ещё не все унесло течением, потому что убитых было слишком много, а снег у кромки полыньи был весь красный от крови. Я, помню, нашла чей-то крестик с оторвавшейся тесёмкой и хотела взять себе, но мать строго приказала: «Не бери! Это убитому принадлежит – брось в воду!». Я так и сделала. Мы там недолго были, сразу же вернулись домой. Всем было не по себе, нас с Груней трясло как в

лихорадке. Шуру муж нашёл и долго плакал над её телом, потом взял на руки и понёс домой. Так до самого дома на руках и нёс. Шатался, как пьяный, но плакал и нёс. Мы потом всей деревней помогали похоронить и помянули бедную женщину.

Пока баба Галя вела свой рассказ, я уже и телевизор отремонтировал, включил его, и наша старуха Шапокляк засияла от удовольствия: «Так сколько я тебе буду должна, Санёк?». Я отказался от вознаграждения: «Хватит с меня и вашей интересной истории!..». Тут лицо у бабы Гали засияло ещё сильнее, и она послешно спрятала свой толстый бумажник куда-то в складки широкого цветастого халата: «Ты заходи, если чо надо будет!». Она раз сто сказала спасибо, пока провожала меня до двери, а в последующие дни при встрече со мной обходилась без едких замечаний.

Она ценила тех, у кого руки растут откуда надо, кто может что-то делать сам, уважала знающих и мастеровитых. И вообще, ценила людей именно по этому качеству. Между прочим, рассказала мне и про то, что её старший брат был первым председателем колхоза в деревне, а позже – бригадиром. Она сама молодость свою провела в колхозе на разных работах – и овощеводом была, и дояркой, и снопы вязала на уборке. Колхозные годы и весь советский период вспоминала с благодарностью и ненавидела тех, кто развалил и колхозы, и Союз. В общем, была коммунисткой по убеждениям, хотя за всю жизнь никогда не состояла ни в партии, ни в комсомоле.

И при этом рассказала мне такое о «красных душегубах», что и не снилось её ненавистным «дерьмократам». Видимо, есть что-то такое в русской душе, что можно назвать, наверное, стремлением к справедливости. Ощущение несправедливости содеянного с беззащитными людьми и не давало ей покоя всю долгую жизнь. Конечно, в годы её благословенной колхозной молодости страшно было бы даже подумать о том, чтобы кому-то рассказать эту душе-раздирающую историю из времён братоубийственной Гражданской войны.

Последний солдат

Апрель нынче выдался ветреный и холодный, так что последние дни перед праздниками дед Елистрат занемог и почти не вставал с постели – кости и без того болели от старости и изношенности организма, а тут ещё простуда. Запивая аспирин молоком, Елистрат почти целыми днями лежал, думая о своём житье-бытье и теряясь в предположениях, сколько ещё ему осталось мыкаться на белом свете. «Да хоть бы не мучиться при кончине, заснуть бы и не проснуться в один прекрасный день. Сам себе уже надоел, а людям тем более», – думал старик, которому скоро должно уже было исполниться девяносто.

В деревне деда издавна называли просто Елистрат, хотя по документам он был Евстратий Якимович. Так получилось, что через шестьдесят лет после Великой Отечественной он остался последний солдат той войны в Сосновке, деревушке из трёх десятков домов недалеко от Байкала.

Елистрат слыл угрюмым, прижимистым и нелюдимым стариком, не склонным к общению по душам, к тому же он был непьющим. А на непьющих в деревне всегда смотрели с подозрением. Внешность Елистрата было соответственная – густые, лохматые брови нависали над глазами, которые смотрели то ли насторожённо, то ли неприязненно. Из-за редких стрижек седые кучерявые волосы на голове торчали в разные стороны неопрятными клоками, а со лба до самого верха затылка блестела здоровенная проплешина. Складки морщин, изрезавшие лицо, и редкие, жёлтые от табака зубы дополняли облик этого одинокого, неухоженного человека.

Овдовел Елистрат лет десять назад, все трое их детей умерли раньше матери, правда, успев пережениться и народить шестерых внуков. Но внуки жили в далёких городах и никогда не приезжали к деду, разве что присылали ему раз в год открытки ко Дню Победы, и на том спасибо. Раз в год вспоминала о нём и местная власть, которую он по привычке называл сельсоветом, хотя она давно уже именовалась администрацией. В последние годы накануне девятого мая приезжал к нему сам глава и привозил приглашение на митинг по случаю праздника:

– Ты у нас на весь сельсовет один солдат остался, Евстратий Якимович. Так что обязательно ждём тебя, весь народ ждёт. Мы там тебе и подарок приготовили, – председатель подмигивал деду заговорщически, стараясь то ли приободрить старика, то ли заманить обещанием.

Нынче Елистрат возразил на привычное приглашение:

– Сам вишь, Михаил Лексеич, како здоровье у меня. Не знаю, если тока получче станет – приду. Машину-то пришлешь за мной? А то у меня ноги совсем отказываются...

– А как же! Конечно! Давай только выздоравливай...

На праздники Елистрат надевал свой единственный выходной пиджак, на котором красовались три награды, полученные в годы войны: медаль «За отвагу», орден Красной Звезды и медаль «За победу над Германией».

Были у него ещё с десятков разных юбилейных медалей и даже ордена Отечественной войны, но их Елистрат не надевал никогда, просто хранил в коробочках вместе с удостоверениями. То ли считал их незаслуженными, то ли стыдно было перед теми фронтовиками, которые не дожили до этих юбилеев и которым не достались такие награды, а особенно совестно было перед теми, кто погиб на фронте: уж они-то, считал Елистрат, трижды достойны всех этих наград.

Может, и прав был дед – его боевые награды, без окружения многочисленными новенькими медалями, смотрелись как-то внушительнее, несмотря на их малое число: каждый видел, что это настоящие фронтовые награды и невольно проникался уважением к ветерану.

...Очередное утро Елистрат встретил на ногах – в доме стало холодно. «Надо бы печь подтопить», – подумал старик и глянул на подпочный железный лист: на нём лежала аккуратная кучка дров. Видно, его помощница, Лидия

Макаровна, с вечера заготовила. Заглянул в печь – и там наложены дрова, а промеж них – лучинки и скомканная старая газета для растопки, остаётся только чиркнуть спичкой. «Молодец», – мысленно похвалил он Лиду.

Эта женщина уже несколько лет была его помощницей от райсобеса, к пенсии ему делали доплату на работницу, которая мыла, стирала, убиралась в доме, готовила обеды и ходила в магазин за покупками. Елистрат ещё и от себя добавлял ей немного денег, потому как она и дров наколет, и в ограде уберётся, и в огороде весной картошку и кое-какую мелочь посадит.

Работала Лида добросовестно, только, как почти у всех жителей деревни, у неё была непомерная страсть к водке, так что она могла день-другой и прогулять. Но при этом не забывала проведать старика – мало ли что может понадобиться. Елистрат сильно не придирился, потому что в деревне найти непьющего помощника было просто нереально. Для порядка иногда журил Лиду, и та извинялась, но обещаний никаких не давала, потому что хорошо себя знала.

Елистрат чиркнул спичкой, полюбовался, как споро язычки пламени обнимали полешки и весело потрескивали, увлечённые своим привычным делом. Укрощённый огонь – не стихия, смотреть на него приятно и бесхлопотно, жар струится в комнату как из камина. Минуту-другую старик постоял у печи, потом прикрыл дверцу и вернулся на кровать. Укрывшись одеялом, согрелся и задремал. Пару раз просыпался и вставал, чтобы подбросить в топку дрова, и снова ложился спать. Часа через полтора в доме стало тепло и уютно, кости прогрелись, и тело перестало ныть. Тут и горячий чай подоспел, после которого дед почувствовал себя почти совсем здоровым.

Лида в этот день не пришла. «Обойдусь как-нибудь», – подумал Елистрат. Перед сном выпил рюмку водки, в задумчивости посмотрел на отрывной календарь над столом и сорвал листок – завтра уже восьмое мая. Обычно лист отрывал он утром следующего дня, а тут, видно, в ожидании Дня Победы хотел, чтобы быстрее проходили эти тягостные будни накануне главного праздника в году. Лёг спать рано, но сон всё никак не приходил – мысли крутились вокруг будущего митинга, потом память унесла его в далёкие военные годы, снова и снова Елистрат переживал тяготы и ужасы войны и никак не мог избавиться от этих воспоминаний...

Вдруг за окном послышалось гудение машины, потом пьяные голоса, и следом раздался стук в дверь. Дед лежал, не собираясь вставать и встречать незваных гостей. Горницу освещал лишь тусклый свет ночника у изголовья кровати. Стук становился всё настойчивей, из-за двери кричали: «Открывай, всё равно сломаем дверь!». Старик молчал и не знал, что делать, потом встал, приподнял матрас и вынул оттуда чёрный целлофановый пакет с чем-то увесистым. Шагнул за печь, где у него стояло ведро, выполнявшее функции ночного горшка, оно стояло на узеньком магазинном ящичке из-под фруктов, сунул пакет в ящик, затем вернул ведро на своё место. На всё про всё ушло полминуты. Дед вернулся на свою постель и стал ждать развязки...

Дверной крючок от ударов и пинков ногами подпрыгивал и шатался, но держался в железной петельке, пока, наконец, новый сильный удар не заставил его выпрыгнуть, и тут же дверь распахнулась. На пороге стояли трое пьяных парней. Все, как один, бритоголовые, в куртках с капюшонами, спортивных брюках и кроссовках. Тот, что постарше, обратился к Елистрату:

– Ну что, дед, к празднику приготовился? Накрывай поляну! Ты же ветеран, поди. Значит, деньги хорошие получаешь?

Елистрат молчал. Тот, что поменьше ростом, с глумливой рожей, заглянул в холодильник и обнаружил там лишь полбутылки водки, кусочек сыра и немного варёной колбасы:

– Негусто, хозяин. Ты чо такой бедный? Или скупой?

Дед молчал. Третий парень, совсем молодой, бледнолицый, старался не смотреть на деда, отводя глаза в сторону и не поддерживая разговора.

Старший открыл шкаф и вынул оттуда праздничный пиджак деда:

– А чо у тебя, дед, так мало наград? Плохо воевал, что ли? Или ты эти медальки купил на базаре? Ты смотри – «За отвагу», а это «Красная Звезда»... Какие такие подвиги совершил, а, дед?

Елистрат не отвечал – что тут скажешь? Что он в их годы бил фашистов, что медаль получил за то, что вынес с поля боя под обстрелом фрицев своего боевого товарища, что орден получил за форсирование Днепра и занятие с группой бойцов плацдарма на вражеском берегу?

– Чо молчишь, старый хрен? – Вопросал незванный гость, тот, что постарше, снимая награды с пиджака и пряча их себе в карман. – Говори, где деньги, мы возьмём и уйдём. Тока не ври, что у тебя их нет...

Елистрат сидел на своей кровати, и предательская слеза катилась по его щеке. Даже когда хоронил жену, он не плакал, хотя было очень горько. А тут от обиды за свою беспомощность и наглость этих, по сути, внуков-правнуков сердце не выдерживало, и не было сил терпеть дальше это издевательство:

– Уходите, – тихо прошептал Елистрат.

– Мы уйдём, давай деньги, сволочь старая!

Один из парней держал деда за руку, а главарь бил старика по лицу кулаками. Наконец, эта экзекуция надоела им, и они бросили Елистрата на пол. Приподняв матрас, бандиты обнаружили там белый целлофановый пакет и в нём сберкнижку на тысячу рублей, паспорт, ещё какие-то документы и несколько сотенных ассигнаций.

– И это всё, что у тебя есть? Ни за что не поверю! – Главарь стал пинать ногами лежащего на полу старика.

Младший в это время налил себе рюмку водки и залпом выпил её, затем вытер рот листком календаря, который дед с вечера оставил на столе.

Обыскав шкаф, буфет, холодильник, бандиты не нашли больше ничего ценного.

– Ладно, смываемся, – скомандовал старший. – Дед, видно, надолго отключился...

Утром Лида, придя в дом Елистрата, обнаружила там лежащего на полу хозяина – лицо его было в синяках и ссадинах, изо рта выбежала струйка крови и застыла на подбородке. Тело было уже холодным, и Лида в ужасе бросилась звонить в милицию. Вскоре нагрянули три сотрудника, Лиду и её соседку Катю взяли понятыми, и обе присутствовали при осмотре тела и жилья ветерана. Пакет с документами валялся на полу. Милиция изъяла бутылку с остатками водки и отпечатками пальцев, сняли отпечатки пальцев на дверцах шкафа, холодильника и буфета. В доме больше ничего не было, кроме нескольких стульев и большой рамки со старыми фотографиями на стене. В подполье тоже ничего не нашли, кроме проросшей картошки и нескольких свеколок и морковок. Помойное ведро и его содержимое не заинтересовали милиционеров, и вскоре тело Елистрата увезли на экспертизу. Лида повесила замок на двери и ушла к себе – сотрудники сказали, что привезут Елистрата только после праздника, десятого мая.

День Победы был испорчен произошедшим событием. Праздника не получилось. Скорее, его можно было назвать поминками по последнему солдату Сосновки. Возмущались все, клеймили позором преступников. Прошёл слух, что заезжих криминальных гастролёров уже поймали, но денег при них не нашли, изъяли только награды Елистрата.

Тело ветерана привезли сразу после праздника. Администрация взяла похороны на себя, а Лиду и её подружку Катю упростили обмыть Елистрата и одеть во всё чистое. Подруги попросили мужиков положить деда на пол, а потом мы, де, сами управимся. Мужики сели на солнышке погреться и покурить, а Лида с Катей принялись за дело. Лида на правах хозяйки, пусть и временной, заглянула за печь, сняла со стены полиэтиленовый оранжевый тазик и налила туда холодной воды.

– Ведро-то, поди, надо вынести, – сказала Катя. – Пахнет от него нехорошо. Да и ящик этот тоже выбросить надо.

Она приподняла ящичек, и оттуда выпал чёрный пакет с чем-то увесистым:

– Глянь-ка, Лида, чо я нашла! Это же деньги! И много!..

– Тише ты, дура! – прошептала Лида. – Молчи! Всё – пополам, поняла?

Катя кивнула головой. Молча рассовали за пазуху, в лифчики по пять пачек тысячерублёвых купюр.

– Это же целый миллион! – Не могла успокоиться Катя, сроду не выдавшая таких денег.

– Да заткнись ты! – Оборвала её Лида. – Давай мыть Елистрата и одевать, долго он у нас так лежать будет раздетым?

Без обычных причитаний и разговоров о бренности бытия провели они скорбную процедуру, вынесли ведро и ящик с пустым пакетом на помойку за сараем, и Лида скомандовала мужикам:

– Заносите гроб и укладывайте Елистрата!

Похоронили последнего солдата без особых почестей, помянули в его же доме, который после поминок Лида закрыла на амбарный замок.

Колодец

– Ну вот, значит, шёл мужик мимо колодца – настроение хорошее, солнышко светит, душа радуется, птички поют – благодать Божия... Подошёл мужик, значит, к колодцу да и крикнул туда: - А! А в ответ ему: - Б! Он – туда: - В! А ему: - Г!!! Заглянут тогда мужик в колодец и удивился...

Тут дед Матвей, как всегда некстати, по своему обыкновению, замолчал, вроде что-то припоминая, а потом начал рассказывать совсем другую историю. У него так частенько случается: в середине рассказа, обычно на самом интересном и захватывающем моменте, он как бы теряет мысль или нить повествования и либо продолжает рассказ, оставив за кулисами несколько событий и продолжая из другого места, либо вовсе начинает излагать другую историю. Либо просто засыпает, и тогда вернуть его к уютной беседе у костра нет решительно никакой возможности. Пока не проспится и не продолжит сам, как ни в чём не бывало, иногда даже так удачно, что именно с оборванного полуслова.

Одним словом, дед был ещё тот, а нам, молодым лэповцам, в то время его рассказы заменяли и телевизор, и радио, и компьютеры, о которых мы тогда и слыхом не слыхивали. Молодые и здоровые, мы могли в то время весь тёплый летний вечер просидеть своей бригадой у костра, с одной лишь бутылочкой водки, выпивая из кружки, которая неспешно ходила по кругу и делала разговоры откровенней и задушевней. Это было, кажется, году в тысяча девятьсот шестидесятом, может, чуть раньше или позже. Мы в те времена прошли пол-Сибири, строя линии высоковольтных электропередач и зарабатывая на электрификации просторной окраины по тем временам немалые деньжищи.

Дед Матвей с некоторых пор стал к нам наведываться из соседнего села, благо, что жил на окраине Покосного. Ну да, того самого, о котором поётся в песне: «А вокруг у села Покосного хороводят берёзки с соснами, и пускай тот, кто не был в Лэпии, завидует нам». Мы Пахмутову любим – она в те годы написала много хороших песен: и про Братск, и про Усть-Илим, и про Иркутскую ГЭС, и про Ангару...

Дед Матвей много побродил по белу свету, пока не осел в Покосном: начиная с двадцатых годов, сразу после Гражданской, он освоил строительство колодцев, а поскольку мастеров таких было мало, то и заказы сыпались из всех ближних и дальних деревень. Работы хватало от весны до поздней осени, и так каждый год. Строить колодцы – особое искусство, тут многое нужно знать – и где вода находится, какой глубины делать шахту, чтобы среди зимы или по весне вода не ушла; какую древесину подобрать для сруба, чтобы он простоял лет пятьдесят, не сгнивая; как укрепить подводную часть, чтобы она не осела и не разрушилась. А то ещё раньше делал журавлики – большей частью ими доставали воду из колодцев в деревнях, это много позже стали делать срубы с воротом, на который наматывалась цепь с ведром. Опять же цепь нужна хорошая, сталистая, чтобы ржавчина не портила воду. Чтобы вода

всегда была чистой и студёной, на дно надо положить слой речного песка, сверху присыпать его галечником. В общем, много было хитростей и секретов, которые теперь, пожалуй, никому не нужны: даже на дачах стали забивать трубы и устанавливать насосы, так что обходятся без колодцев. И всё-таки колодец – это не какая-то там ржавая труба или бетонный ствол, это поэма, сказка, романтика!..

Сколько с колодцами связано былей и небылиц! Дед Матвей знал их бесчётно и мог рассказывать неделями. Мы слушали, как замороженные. Однажды поведал он малоправдоподобную историю из своей практики, предупредив, однако, чтобы мы не смеялись, потому что ничего он не придумывал, а рассказал всё, как случилось.

Было это в середине или в конце тридцатых годов, время трудное и непростое. Хотя, с одной стороны, жить стало веселее – позабылись тяготы и беспредел революции и Гражданской войны, голод начала тридцатых. Матвей в те годы уже не был подмастерьем, работал самостоятельно. Однажды пригласили его в деревню Н. (тут дед сделал строгое лицо и отметил – «Не буду называть, какую»). Молодые хозяева построили хороший дом, баню, стайки, а вот соорудить колодец сами не смогли – пригласили Матвея, как самого известного мастера в округе.

– Дед, а ты видел звёзды из колодца? Говорят, даже ясным днём из колодца видны звёзды? – спросил кто-то из сидевших у костра.

– Нет, не видел ни разу. Враки всё это про звёзды, только кусочек неба видно, такое же синее. Но я видел кое-что поинтереснее, но не на небе, а в глубине колодца. Вот слушайте.

Сговорились мы, значит, о цене, столовался я у них, место мне отвели в сенях, в кладовочке поставили топчан, по летнему времени нормальное жильё. Со мной работал, правда, ещё пацан лет тринадцати-четырнадцати – подмастерье, его отправили на сеновал. Пацана Спирькой звали, Спиридон, значит, по-взрослому. Одному-то несподручно рыть колодец, надо ведь отвал кому-то подавать, ну там и самому подняться-спуститься помочь надо, да мало ли что?

Вот, значит, докопался я до водоносного слоя, это метра четыре с лишком будет, смотрю: земля подо мной мокреть начала – значит, скоро вода наберётся в мою ямину. И тут копнул я ещё немного сбоку, а оттуда – не поверите! – золото и камня драгоценные посыпались как ручьём! Я опешил: что делать? Время было строгое, меня и без того уже несколько раз милиция задерживала – не шпион ли? почему по деревням ходишь, место жительства постоянно меняешь? Запросто в те годы мог загреметь в лагеря. Говорят же – не всякой находке радуешься! Потому и решил от греха подальше не трогать это богатство, а прикопать его поглубже, чтобы с водой кто не поднял случайно наверх.

– Дядь Матвей, чо там у тебя такое? – сверху спрашивает мой помощник.

– Да так, потом скажу, подымай наверх!..

Когда закончили работу, я в последний вечер рассказал Спирьке, что обнаружил на дне колодца. Подмастерью моему было невдомёк, почему я это отказался от такого богатства:

– Ведь можно было за эти деньги безбедно прожить до скончания века...

– Ага. Если бы сам не скончался раньше срока...

Вскоре мы получили расчёт и ушли в другую деревню на заработки, только я не знал, что перед уходом Спирька рассказал хозяину дома о том, какой клад таится в его колодце.

...Летний сибирский вечер набирал крепость: вокруг стало темно и прохладно. Дед Матвей молчал, глядя на золотые язычки пламени, и явно думал о продолжении истории, потому что хитро улыбался и неодобрительно качал головой. Зная характер нашего знакомца, ребята стали упрашивать старика:

– Ну, дед, не томи, ты ведь знаешь, чем закончилась история с колодцем?

– Знаю, как же. Года через два мы снова оказались в той деревушке.

– И что же там?

– А вот что. Слушайте...

Пришли мы со Спиридоном к тому месту, где раньше строили колодец, а дома-то и нету – одни обгорелые останки от него. А колодец наш стоит, цел и невредим, только сруб сверху заколочен напрочь.

Стали мы расспрашивать тогда, что же случилось с хозяевами, и соседи поведали жуткую историю. Такие чудеса, что дыбом волоса. За что купил, за то и продаю.

После нашего ухода спирькины слова про клад никак не давали покоя хозяину – всё думал, как добыть этакое богатство, прямо под носом у него хранящееся. И ведь как оно оказалось на такой глубине-то? Какой дурак будет копать яму в несколько метров, чтобы спрятать драгоценности? Загадка!

Думал-думал мужик и придумал: подцепил вместо ведра к журавлику нечто вроде поддона; сам журавль утяжелил дополнительным грузом, чтобы человека сподручнее было спускать-поднимать; приготовил мешок, самодельный сачок из дуршлага, примотанного к черню от лопаты; ведро привязал к длинной веревке, а бабу свою поставил помощницей. Спустился в колодец, а вода в нём небольшая была – с метр или чуть больше глубиной. Сунул свой дуршлаг в воду, чуть пошурудил им, и вот уже что-то блеснуло в полумраке сквозь слой воды. Черпнул и вынул поближе своё орудие – мать честная! Там золотые монеты, какие-то камни разноцветные блестят, переливаются.

Крикнул мужик бабе своей: спускай, мол, ведро на веревке. Наполнил его драгоценностями и отправил наверх. «Там в мешок сразу ссыпай, чтоб никто не увидел ненароком!» – это он бабе наказал. Набрал второй раз ведро, потом третий. Потом попробовал копнуть ещё – нет, ничего, вроде бы, нет. Решил подниматься. Оказалось, набрал сокровищ почти полмешка, пуда три с гаком будет. Решили спрятать клад в амбаре. Вечером заснули, уставшие, но довольные.

- Ну, дед Матвей, ты даёшь – кто же клады по три пуда зарывает, да ещё на такую глубину?! – раздался у костра голос одного из скептиков.

Мы же тогда коммунизм строили, все были атеисты и в сказки разные не верили. Сказка, вот она – вся Сибирь в электрических огнях и электропоездах...

– Попал пальцем в небо, да в самую серёдку, - возразил дед Матвей. – Не люблю – не слушай, а врать не мешай. Не хочешь слушать, как врут другие, ври сам.

Старик обиженно замолчал.

– Да ладно, не обращай внимания, дед. Рассказывай дальше, интересно же, чем всё кончилось. На-ка вот, смочи горло, - протянули мы деду Матвею кружку с остатками водки. Дед выпил и продолжал:

– Ну вот. Спят, значит, молодые, а среди ночи вдруг шум какой-то в сених и мерзкий такой звук угрожающий – не рычание, а что-то похожее на соболиную угрозу. Соболев ведь, не смотри, что маленький, а очень свирепый зверь. От его рычания мороз по коже. Так вот, это было похоже на соболя, или на медведя, но послабее медвежьего, угрожающий такой звук – страшно! И давай эта невидимая тварь дверь грызть, да так, что вскорости образовалась дыра такая, что и морда стала видна крысиная. Только крыса была раза в три больше обычной. Баба поспорившей, видно, была – на стол вскочила, где лампа стояла керосиновая. А мужик на кровати от ужаса застыл, потому что эта крысиная тварь не одна была, а за ней протиснулись в отверстие ещё с десяток мерзких чудовищ. И бросились все на мужика, в несколько минут разорвав ему плотку и залив всю постель кровью. Баба в ужасе была, но самообладания не потеряла – схватила лампу, открутила с неё головку с фитилём и бросила горящий фитиль на пол, а следом вылила из лампы весь керосин. Огонь занялся знатный, так что все крысы быстренько выскочили из дому, а баба, чтоб самой не сгореть, накинула на себя одежонку и выбежала следом. Дом уже весь был объят огнём, так что вокруг стало светло как днём. Крыс нигде не было, и только из колодца доносилось их мерзкое рычание, потом и оно стихло.

Соседи проснулись, бросились дом тушить с ведрами и баграми, но где там! Сгорел дотла. А вот амбар с сокровищами остался цел. Баба посмотрела – сокровища на месте, только мало радости было от этого: она поняла, что ночное нападение крыс как-то связано с этим кладом.

Утром явилась комиссия во главе с милиционером, чтобы выяснить все обстоятельства ночного происшествия. Сначала стали подозревать бабу в убийстве мужа и попытке с помощью пожара скрыть свою вину. Но баба повела их в амбар и показала клад. Ошарашенная комиссия стала осматривать сокровища и составлять акт. Но пересчитывать все камушки и монеты было бы нереально – месяц бы сидели, составляя акт. Решили написать общий вес – получилось три пуда с лишком. Опечатав ценный груз, вызвали сотрудников НКВД, и только в их сопровождении милиционер согласился везти ценный

груз в городское отделение Госбанка. Два сотрудника НКВД и милиционер часа через полтора после осмотра места происшествия были уже в городе. Управляющему банком предъявили акт на три пуда сокровищ и опечатанный мешок. Тут же вскрыли мешок, чтобы уже официально подтвердить изъятие клада. Но в мешке оказались только крысиные какашки, серо-чёрный помёт, издававший отвратительный запах.

Говорят, энкавэдэшников и милиционера арестовали, обвинив их в присвоении клада и долго пытали, так ничего и не добившись. Дальнейшая судьба их неизвестна, а баба куда-то уехала из деревни. Местные жители, напуганные этой историей, наглухо заколотили злосчастный колодец...

Посиделки наши у костра уже подошли к концу, завтра всем рано вставать, да и дед засобирился домой – в деревне загорелись огоньки. В темноте казалось, что они совсем рядом. «Близко видно, да ногам обидно», - сказал дед Матвей, сделав шаг в сторону от догоравшего костра. Скоро он растворился в темноте, будто его и не было.

Ильин день

Елена Горбунова (Батюк),
писатель, журналист.
с. Турунтаево, Бурятия

Об авторе

Елена Дмитриевна Горбунова, выступающая в литературе под своей девичьей фамилией Батюк, родилась и выросла в Гремячинске, селе на берегу Байкала. После окончания Бурятского госуниверситета работала учителем русского языка и литературы. Затем связала свою жизнь с журналистикой. С 2009 года – редактор газеты «Прибайкалец». Стихи публиковала, будучи ещё школьницей. В газетах напечатано несколько её рассказов. В 2013 издала сборник стихов и рассказов «Здесь женское сердце моё...».

Исповедальная поэзия Елены Батюк – о тяжести доли глубоко ранимой души в суровых реалиях действительности, которая разбивает романтические устремления автора, оставляя при этом надежду на спасительную силу Любви. В некоторых стихах Елены – нота гражданской ответственности за судьбы России, за судьбы людей, населяющих её, наших современников. Публикуемый здесь рассказ «Ильин день» – о трагических потерях современного общества, где иные судьбы слабых и инфантильных людей ломаются и коверкаются при встрече с жестокой реальностью бытия.

Александр Козин.

Ильин день

В это утро Катька опять валялась у забора. Только теперь не одна. Рядом, то причмокивая, то по-взрослому долго и горемычно вздыхая, спал её годовалый Илька. Нещадно пекло солнце, яркая синь неба резала глаза, жужжали жирные мухи; неспешно шествовали деревенские коровы, то и дело оглядываясь на распластанную тётку с уткнувшимся в грудь мальцом и, осудительно вполголоса мыча, проходили мимо. Стояла глухая, спёртая жарой летняя дужота...

Катька не просыхала третьи сутки. Сегодня, второго августа, в праздник Ильи-пророка, она отмечала день рождения своего Ильки. Маленькому мальчику она была обязана жизнью: год назад, отправляя рожать в районный роддом, муж её, старый спившийся мужик, не на шутку грозился: «Привезёшь девку, убью!». Не раз битая, она это помнила и все роды тряслась от страха. Рожала в инфекционном отделении – без анализов и обменной карты роддом не принял. Но это было всё же лучше, чем в прошлые годы – трёх своих старших девочек она родила дома. Выпить за подаренную сыном жизнь было совсем не грех, а начать загодя - вообще святое дело...

...Илька открыл глаза, пошевелился. С усилием раскрыл слипшийся ротик, обнажив четыре верхних, так и не пробившихся зуба, пожелтевших цветом гнили на корню. Хотел было заплакать, но как будто что-то вспомнив, резко обернулся к матери, забил руками её полуголённую грудь, всем телом придвинулся вперёд, по запаху, как зверёнок, нашел твёрдый упругий сосок и, жадно обхватив губками, начал всасывать в себя молоко. Горькая жидкость обожгла язык и неприятным теплом стала расплзаться по телу. В грудном молоке было много утреннего спирта, но Илька об этом не знал – вкуснее этого он ничего в жизни не пробовал. Мальчик не пил, захлебывался, синее молоко лилось мимо рта, но он был доволен, даже радостен – острое чувство голода притуплялось. Илька еще не умел ходить, только ползал, но сейчас ему не хотелось шевелиться, тело было тяжёлым, ноги и руки налились свинцом. Немного погодя отяжелели веки, и Илька стал проваливаться в тяжёлый, гнетущий, практически пьяный сон...

Когда-то Катька была самой яркой, цветущей девчонкой нашего села. Высокая, стройная, из ранних пташек, она напоминала американскую актрису из только-только завезённых в деревню заморских видеокассет. Черные вьющиеся волосы, миндалевидные кошачьи глаза, наглый, ничего не боящийся взгляд, – о, она манила мужиков, как магнит. Они липли к ней и... не находили отказа. Катька была из модных. Сначала невест, потом проституток. Поговаривали, что её знают во всех деревнях района и даже в городе, и пользуются ею, недешевой, только самые богатые мужики. Она не стремилась учиться, как мы, чтобы куда-то поступить, она не тратила себя на экзамены, зубрёжку, вечное ученическое волнение и бросила учиться ещё в девятом классе.

...Помню, была незатейливая деревенская дискотека. В фойе деревянного клуба горела одинокая фара, выкрашенная кем-то из ребят в красный цвет. Приятным голосом тянула свои песни Сиси Кетч, девчонки, будто прибитые к полу, подтанцовывали в общем кругу, парни тёрлись у дверей или отсиживались по углам. Мы мучились деревенскими комплексами, а красивая Катька смело вставала в центр и начинала лихо крутить бедрами. Невольно она приковывала к себе взгляды всех: девчонки, подхихикивая и прыская в ладошку, осуждали её за это, но мальчишки... Мальчишки прожигали её глазами, исходя дикой злобой молодых изголодавшихся самцов.

Через тамбур Катька вышла на крыльцо клуба. Сладко затянулась сигареткой. Огляделась по сторонам.

– Ну, чё, Катюнь, спляшем? – покрылись слащавой матовой пеленой глаза откуда-то взявшегося низкорослого мужика.

Катька быстрым взглядом оценила кожаную куртку, новую джинсу, часы на руках, закатилась громким смехом.

– Ну-у, спляшем, – согласилась она и, слегка подтолкнув его, важно пошла вперёд.

Из тёмного угла тамбура всё это время на неё смотрел мужчина, раза в два старше её, в длинном черном пуховике, стеганном прямоугольными кир-

пичиками. Каждую дискотеку он приходил сюда от жены и тайно наблюдал за маленькой львицей. Но Катька его не замечала.

Вот и сейчас она стремительно ворвалась в клуб, быстро закинула изящные руки на плечи мужика в коже и закачала бедрами в такт музыке. Все снова смотрели на неё – голова «кожаного» мужика лежала на большой полурастегнутой Катькиной груди, а руки прямо на ягодицах, в задних карманах её брюк. Ужас застыл в глазах окружающих – такого наш старый деревенский клуб ещё не видывал. Это было начало девяностых – железным маршем на землю глухих русских деревень только-только ступала великая сексуальная революция...

...Илька беспокойно зашевелился во сне, поёрзал, на секунду затих, глубоко вздохнул и ... описался, но так и не проснулся из своего тяжёлого свинцового сна...

– Смотри-ка, опять Катька напилась, – приостановились у забора две местные бабы.

– Ой, да она не одна, с мальчонкой...

– Будить надо, как бы удар на жаре не схватил... – предложила та, что потоньше.

– Надо бы в сельсовет пожаловаться, пусть меры примут...

– Да жаловались уже! – кряхтела вторая баба. – Толку-то! Когда их старшая из-под носу у продавца рубашку в магазине свистнула, в школу их вызывали, в сельсовет. Последнее замечание сделали, что лишат родительских прав... Да им-то что, вишь, загорают!!! – она махнула рукой в сторону Катьки.

– Жарко же пацану, – жалела та, что потоньше. – А штаны-то мокрые, вот беденький! – Эй, Катька! – не вытерпела она, что есть мочи расталкивая храпящую горе-мать.

– Э-э-э, м-м-м, м-м-м, – мычала та, пытаясь приподняться и открыть глаза. Но сделать это было так тяжело, что она тут же плюхнулась спать дальше.

По Илькиному лицу пробежало слегка заметное беспокойство: он сдвинул брови, нахмурился, демонстрируя глубокую, как у стариков, поперечную складочку, но через мгновение глубоко, облегчённо вздохнул и засопел дальше.

– Опять Мишаня разогнал, гад. А девки где? Верно, по соседям разбежались? – вопрошали бабы.

Мишаня, старый и спившийся Катькин муж, тем временем спал дома. В куцей избёнке, оставшейся ему от родителей, давно некрашеной, небеленой и насквозь прокуренной, в тряпье, мало напоминавшем постельное бельё, раскинув широко руки и открыв страшный, почти беззубый рот, он отходил от большого двухмесячного запоя.

Три дня назад, в очередной раз нажравшись суррогатного спирта, он люто побил жену, разгромил мало-малешную, сохранившуюся ещё от стариков мебель и прямо на полу по-хозяйски вольготно завалился спать. Катька, дождавшись удобного момента, схватила детей и убежала из дома. На ночь при-

ютили соседи. А утром, пока детвора досматривала прерванные ночные сны, схватила Ильюку и пошла по деревне залечивать обиды.

Нет, когда-то Мишаня Кудрявцев в нашей деревне был парень ничего, просто золотые руки – и стиралку починит, и проводку сделает, и всю бытовую технику отремонтирует. Любил красиво одеваться, и все в деревне ещё помнили его загадочный образ в длинном черном пуховике, стёганном прямоугольными кирпичиками. Но четыре непонятных брака, от пьющих баб дети, которые, поговаривали, распиханы по приютам и детдомам, приход тяжёлой безработной жизни на селе и в довершение дурная наследственность сделали своё дело. Мишаня стал конченным человеком.

Правда, на самом закате ещё относительно благополучного своего существования, когда он работал в разваливающемся колхозе и всё-таки получал какую-то зарплату, ему подвернулась давняя его тайная мечта – тогда уже двадцатипятилетняя Катька. Истасканная, беременная и никому не нужная. Он сделал последний добрый шаг в своей жизни и взял её в жены.

Старшая девочка Аська была им, разумеется, нелюбима. Он отказался от неё сразу, и, будто материнская сестра, она носила Катькины отчество и фамилию. Дома Аську старались не замечать – Катька, чтобы не быть битой, Мишаня, чтоб показать перед ней отцовскую любовь к двум младшим, кровным своим дочерям.

Понятие «отцовская любовь» сводилась у него к отовариванию в магазине, когда, отобрав Катькины «детские», кроме винно-водочного, он покупал ещё конфеты и шоколад. Но дети милосерднее взрослых – обе девочки тайно делились сладостями со своей старшей сестрой. Аська была им нянька. В свои десять лет она стирала на них, мыла их в тазике, меняла мокрые штанишки и даже, когда мамка с папкой были в запоях, варила еду.

Иногда Катька жалела Аську и тайно от мужа покупала какую-нибудь вещь. Но это было очень редко. И однажды соблазн захлестнул девочку – она своровала в магазине красивую теплую рубашонку. Её поймали сразу. Настыдили, сообщили в школу и сельский совет. Были разбирательства, педсоветы, припугивание родителей и особенно отчима, который, как выяснилось, Аську ещё и лупит. Пригрозили лишением родительских прав. Но... всё осталось по-прежнему.

И Катька родила ещё одного.

...Тень от забора заметно подвинулась и закрыла Илькино лицо. Он улыбался во сне милой детской улыбкой. Наверное, ему снились ангелочки – личико светилось блаженством и райской радостью. Катька закряхтела, хотела было повернуться, но ребёнок помешал ей. Что-то промывав, она запрокинула назад голову, глубоко вздохнула и захрапела. Из открытого рта по чёрному загоревшему подбородку медленно катилась слюна...

– Я побегу до участкового, – бойко предложила полная баба той, что потоньше, – а ты сходи, мужиков созови. Пусть придут да растолкают её или куда под крышу затащат...

Женщины разошлись. На небо из-под самого горизонта выползала большая чёрная туча. Как будто из последних сил, боясь скорого своего ухода, припекало солнце. Стояла тяжёлая, плотная духота, предвещающая грозу.

...Мы стояли у крашеного школьного крылечка. Девчонки в белых фартуках с пышными бантами в волосах, мальчишки - в нарядных чёрных костюмах. Шёл наш последний выпускной экзамен. Вдруг прямо перед школой резко затормозила иномарка, открылась дверца и на грязную затоптанную тропинку мужские руки вытолкнули длинноволосую девушку. Она упала лицом вниз, лежала так несколько минут, пока не отъехала машина, и стала медленно подниматься. Мы узнали Катьку. Косметика на её опухшем лице смешалась в яркое месиво, пиджак был расстегнут на все пуговицы, мятая блузка вытащена из брюк... Катька с наглым бесстыдством посмотрела на нас, ухмыльнулась и покачивающейся походкой пошла прочь.

– Ну, шалава, – подсвистнул кто-то из ребят. – Бешеная. Успокоиться не может. Кстати, а я её слайды видел. Голая. Ничё так. В разных позах. И даже не одна...

Девчонки засмутились, парни дико захохотали.

– А кто фотал? – полюбопытствовали они.

– Не знаю, мне сказали из города приезжали. Теперь её слайды за деньги продают...

...На улице потемнело от надвигающихся туч. Подул порывистый ветер. Подол Катькиного платья поднялся, обнажив немые ноги и давно нестираное бельё.

– Мама, мама, проснись, – хныкала белокурая девочка, расталкивая её изо всех сил. Чуть поодаль в грязных маечках стояли ещё две девочки и, мерзнув на холодном ветру, жались друг к другу.

– Мама, ставай! - не проговаривая первую букву, просили они. – Дождик начинается...

Илька сидел рядом с матерью, посматривая то на неё, то на девочек. Ему ужасно хотелось пить, болела отяжелевшая голова, неприятная тошнота подступала к горлу.

– Ня-ня, – наконец произнёс он по слогам, узнав Аську. И потянув к ней ручки, жалобно заплакал: «Пить!».

Закапали крупные ледяные капли. Катька открыла глаза, села, непонимающе посмотрела на детей, затрясла головой. «Ой, как трубы горят!» - сказала она, пытаясь подняться. С первой попытки получилось плохо - она шлёпнулась на большую задницу и снова стала подниматься. Её качало. Она стояла несколько минут в тупом оцепенении, вздрогнула, схватила Ильку и потащила к реке. «Пить», – была единственная её мысль. Дети поплелись вслед...

Сильно грохотало. Катька наклонилась к реке, загребла грязной ладошкой воду, жадно заглотала. Загребла ещё раз, поднесла к Илькиному роту. Мальчик впился в материну руку, с большим усилием начал сосать влагу. Де-

вочки стояли сзади, каждый раз вскрикивая от страшных раскатов грома. Они дрожали.

– Пошли! – не оборачиваясь, сказала им мать и двинулась вперёд.

Яркие вспышки молний полосовали небо. Казалось, грохотали не только тучи, но и земля под ногами. Разразился сильный ливневый дождь.

Катя, слегка покачиваясь, шла впереди с маленьким Ильёй на руках. Девочки семенили сзади и, каждый раз вздрагивая от грома и молнии, сильно плакали. Катю трясло. «Опохмелиться! Опохмелиться!» – думала она, прикидывая, куда бы забрести.

Впереди чернела большая мокрая улица. Где-то над головой завывали провода, стучали кровли старых домов, шумели великовозрастные тополя. Всё живое пряталось от огненных стрел грозного Ильи-пророка.

Страшен был его гнев...

Россия нового века

Страна моя, тебя не узнаю!
Тысячелетняя премудрая старушка
Теперь с лицом обдуренной простушки –
Как ты легко сменила роль свою!

Страна моя! Бесчинствуют полки
Чиновничьей и новорусской рати –
Власть подхалимства, а не демократии,
В полон её отдали без войны.

Обманута, распята по карманам...
И только купола церковных храмов,
И только золочёные кресты
Взывают к небу: Господи, прости!

Библиография

1. Афанасьев, Алексей. Звездный хоровод: Повести/ А.Т. Афанасьев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. – 76с.
2. Байбородин, Анатолий. Старый покос: Повести. – Иркутск, 1983. – 103с.
3. Байбородин, Анатолий. Поздний сын: Повесть. – М.: 1988. – 86с.
4. Батюк, Елена. Здесь женское сердце моё: сборник стихов и рассказов / Елена Батюк. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2013. – 112с.
5. Виноградова, Анна. Дива: Сборник рассказов/ Анна Виноградова. – Улан-Удэ, 1994. – 200с.
6. Виноградова, Анна. Сказки Вари: Рассказы/ Анна Виноградова. – Улан-Удэ, 2003. – 170с.
7. Зубенко Л. Мой високосный год: Стихотворения / Любовь Васильевна Зубенко. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд- во, 1989. – 74с.
8. Итыгилов, Александр. Нефритовый всадник: сборник стихов и рассказов / А.З. Козин. – Москва: Перо, 2016. – 112с.
9. Калашников, Исай. Жестокий век: роман / Исай Калистратович Калашников. – М.: Советский писатель, 1980. – 752с.
10. Леликов, Геннадий. Рассказы / Г.А. Леликов. – Таганрог: Изд. Ю. Д. Кучма, 2011. – 80с.
11. Леликов, Геннадий. Багульника сиреневый рассвет: Сборник стихов/ Г.А. Леликов. – Кропоткин, 2001. – 134с.
12. Ломунова, М.Н. Исай Калашников / М.Н. Ломунова. – М.: Сов. Россия, 1983. – 104с.
13. Мельчаков, Михаил. Расколдованное место: повесть / М.Г. Мельчаков. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 112с.
14. Мельчаков, Михаил. Свежун: Роман / М.Г. Мельчаков. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1989. – 304с.
15. Небо над Байкалом: Рассказы / Пер. с бурятск.; Сост. Ц. Галанов; Предисл. Н. Дамдинов. – М.: Дет. лит., 1986. – 159с. ил.
16. Отчий край: сборник стихов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1981. – 80с.
17. Пахомов, Александр. Булункан: Стихи / А.И. Пахомов. – М.: Издатель А.А. Зусман, 2000. – 362с.
18. Пахомов, Александр. Свежун: Стихотворения / А.И. Пахомов. – М.: Моск. Рабочий, 1990. – 112с.
19. Писатели Бурятии: Биографический справочник. – Улан-Удэ: изд-во писателей «Наран», 1994. – 141 с.
20. Рыбина Г. Капелька росы...: Проза / Галина Рыбина // Байкал. – Спец. выпуск. – С. 123 – 134.
21. Сындуев Е. Слово: Стихи / Есугей Сындуев // Байкал. – 2005. – Спец. выпуск. – С. 92 – 102.
22. Чернев И. Семейщина: Роман. Переиздание. Послесл. Ф. Болонева / Илья Чернев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988. – 672с.
23. Элиасов, Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья / Л.Е.Элиасов. – М.: Наука, 1980. – 472с.

Содержание

<i>А. Козин (Итыгилов). Литературные страницы Прибайкалья</i>	3
<i>Г. Дрюон. Несколько историй, почти биографических</i>	5
Полчаса с Пьером Ришаром	6
Мой друг Роже	11
Поездка	28
«Мне тринадцать лет»	32
<i>Г. Леликов. Невыдуманные рассказы</i>	36
«Не забуду мать родную»	36
Царевна-лягушка	41
Фронтвик	47
Неотправленное письмо	52
<i>А. Козин (Итыгилов). Красная купель и другие рассказы</i>	59
Красная купель	59
Последний солдат	63
Колодец	68
<i>Е. Батюк. Ильин день</i>	73
Ильин день. <i>Рассказ</i>	73
Россия нового века. <i>Стихи</i>	78
Библиография	79

Прибайкальский краеведческий альманах. № 6, 2018 г.
г. Москва – с. Турунтаево. – Изд-во «Эдитус».

12+

© А.З. Козин. Текст, составление, оформление. 2018
© Издательство «Эдитус». Обложка, оформление. 2018.